

Лучший роман об отношениях мужчины и женщины

Татьяна Веденская

КАК ЖЕНИТЬ СЛОНА

тираж
превысил
3 миллиона
экземпляров!

Книга Татьяны Веденской лучше сеансов психоанализа
возвращает к жизни.

О.Маховская, психолог, писатель

Татьяна Веденская

Как женить слона

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11310768
Как женить слона : роман / Татьяна Веденская: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82789-3

Аннотация

Ирине Сафьяновой жизнь казалась почти идеальной: крепкий брак, хорошая работа, дочь-отличница. Но вызов в школу выбивает почву из-под ног женщины. Ах, каким же хрупким бывает счастье! Кто бы мог подумать, что Варвара – умница, красавица, гордость родителей – влюбится в двоечника и хулигана... Все попытки образумить дочь тщетны. Проще купить слона, чем переспорить влюбленную девушку, приходят к выводу мать и отец. Проще слона женить, чем разобраться в том, что они – Ирина и Григорий – сделали в своей жизни не так.

Содержание

Глава 1,	5
Глава 2,	12
Глава 3,	19
Глава 4,	26
Глава 5,	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Веденская

Как женить слона

© Саенко Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Судья:

– Почему вы ударили вашего мужа по голове стулом?

Жена:

– Стол слишком тяжелый!

Глава 1, в которой обнаруживаются диаметрально противоположные мнения

Мой муж Григорий считает, что у каждого человека должна быть активная жизненная позиция. Мол, недопустимо просто плыть и ни о чем не думать, ни к чему не стремиться. Нужно четко выражать свое отношение к миру и к людям вокруг. Не знаю, как у других, а у меня с некоторых пор действительно появилась активная жизненная позиция. Не могу пока выразить ее словами, но ощущаю ее наличие, стоит мне увидеть лицо очередного хмурого клиента сквозь толстое стекло операционной кассы. Он смотрит на меня в таком нетерпении, словно начал опаздывать куда-то еще до того, как вошел в здание банка.

Моя активная жизненная позиция проявляется также в нежелании пропускать бугая на дорогом джипе вперед моего «Рено» на светофоре. Я каждый раз испытываю потребность высказаться, когда человек на кассе начинает диктовать продавцу номера пяти разных телефонов, на каждый из которых хочет положить сто рублей. А потом выясняется, что он перепутал цифры в трех из них.

И почему я должна простоять лишних полчаса, пока усталая кассирша все исправит? И это после рабочего дня?!

Моя активная жизненная позиция, заветная цель в жизни, к которой я устремленно двигаюсь, и одновременно голубая мечта – это лежать на диване, не шевелясь, смотреть какой-нибудь незатейливый сериальчик, есть яблоко и ЧТОБЫ НИКТО МЕНЯ НЕ ТРОГАЛ.

Подозреваю, что продавец в магазине мою мечту полностью разделяет. Но у нас обоих нет выбора. Такая роскошь простым смертным недоступна. На нас лежит ответственность. Не знаю, как именно жизнь привела кассиршу к ее креслу, но моя персональная ответственность упакована в фоторамку размером пятнадцать на двадцать сантиметров и стоит на сером столике прямо рядом со счетной машинкой, с помощью которой я считаю и выдаю чужие деньги.

Моя семья в светло-коричневой фоторамке с резными краями. Вечно серьезный Гришка в штанах цвета хаки с миллионом карманов «для нужных вещей», сонная десятилетняя Варя, наша умница-дочка с милым рюкзачком. И я – вечно с дурацкой улыбкой на губах и с красным шарфиком, намотанным на покусанные комарами плечи. Мы позируем на фоне восходящего солнца Карелии, а на заднем плане живописный водопад Ниванйоки. Поход дикарями – что может быть лучше?

Об этом можно поспорить. К примеру, моя добрая подруга Людмила, сидящая на работе по правую руку от меня, считает, что есть много всего лучше дикой природы и еще более диких комаров. Она пересчитывает деньги и умело упаковывает их в бумажные пакеты, ее руки заняты, но голова свободна. Люда работает в операционной кассе банка очень долго, и свои движения довела до автоматизма. Я работаю здесь чуть больше двух лет, а попала сюда благодаря протекции подруги, с которой мы знакомы «сто» лет.

– Милая моя, ты должна послать своего Гришку подальше вместе с его активным отдыхом, – советует Людмила, игнорируя тоскливый взгляд своего следующего клиента в очереди. Пересчет денежных масс – это одна из операций, на которую никто не может покушаться. Всемогущий учет, во имя дебета и кредита. Так что стой, милый, стой. И жди, когда Людка нажмет кнопку, и на электронном табло загорится номер следующего по очереди.

– Послать Гришку подальше – это нечто из разряда фантастики, – отвечаю я, прошлепывая банковские штампы на платежных документах. Вот и еще один человек взял кредит –

ипотека, если судить по документам. Источник повышенного стресса и потенциальная причина для нервных расстройств.

И для ругани с мужем.

У нас с Гришкой тоже – ипотека. Предполагалось, что большая часть нашей квартиры оплатится за счет так называемого военного сертификата, который ему дали при увольнении в запас из военно-воздушных сил. Но сертификат оказался тоже довольно военно-воздушным и не покрыл даже половины. Квартира в Химках оказалась дорогой.

– Дважды в год ты едешь в отпуск в места, где отдых заканчивается вывихнутыми ногами, диареей и мозолями на ладонях от топора, которым необходимо рубить дрова, чтобы приготовить ужин посреди дикого леса! – развивала мысль Людмила. – Скажи, что в этом хорошего? Чистишь кастрюли песком и полощешь их в каком-нибудь чистейшем озере. В чем фишка, Ириш? Все равно ты делаешь то же самое, что и всегда. Готовишь три раза в день, моешь посуду, стелешь спальники в палатках. Все как и дома, только без горячей воды и туалетной бумаги.

– Там бывает красиво, – вздохнула я, глядя на пресловутый водопад Ниванйоки. Подруга пожала плечами.

– Знаешь, что еще красиво? Маникюр! А ты со своего отдыха приезжаешь с такими ногтями, словно копала ими сырую землю.

– И такое случалось, – рассмеялась я, вспомнив, как в одном из походов у меня с руки слетело обручальное кольцо – и бухнулось в воду у берега. Мне пришлось битый час перепархивать грязный ил, чтобы его отыскать. Ногти были уничтожены, но и остановиться я не могла. Ведь это обручальное кольцо! – Но ведь я люблю Гришку. Как ни крути, со всеми своими «пирогам», он стоит того, чтобы его любить.

– Люби себе на здоровье! Но при чем тут отпуск? – резонно возразила Людмила. – Если бы мы действительно захотели, могли бы спланировать роскошный отпуск для нас любимых, и твои чувства к мужу никаким образом не пострадали бы от этого.

– Он никуда не поедет... – начала было я, но Людка меня оборвала:

– А кто говорит, что он нам там нужен? Нет уж, после всех этих лет и всей этой его депрессии после увольнения – ты имеешь право отдохнуть и от него тоже. Разве нет?

– Не знаю, – задумалась я, честно не представляю себе отпуск вдали от громкого командного голоса супруга. Это было бы... странно? Странно хорошо?

– Чего ты не знаешь? Турция, отель на берегу, шезлонг, на котором можно лежать и вообще не подниматься. Разве что за коктейлем. Массаж... – в голосе подруги появились хищные нотки. – Мы могли бы поехать вместе. Ты, я и Варюшка.

– Звучит как сказка, – ответила я, больше имея в виду нереальность вышесказанного, но Людмила поняла мои слова иначе.

– Сказку надо делать былью, иначе никогда не выберешься ты из своих «турне по тайге». Знаешь что! Сейчас февраль, самое время задумываться о таких вещах, если мы хотим взять нормальный тур за хорошие деньги.

– У Вари в этом году ГИА¹, – пролепетала я. Людмила просунула паспорт и квитанции своего клиента в лоток своего окна и повернула ко мне удивленное лицо.

– Серьезно? – вытаращилась она. – Это сколько ж ей лет?

– Пятнадцать, – улыбнулась я. – Летом будет шестнадцать.

– Вот ведь, а? Растут дети! Казалось бы, еще вчера была вот такая кроха, – Людмила жестом показала нечто размером примерно с арбуз. Варька, даже когда только родилась, и то была больше.

– А теперь она уже выше меня, – погордилась я. – Варвара-краса.

¹ Государственная итоговая аттестация, проводится в 9-х классах (прим. авт.).

– Выше тебя? – удивилась подруга. – Куда уж выше?

– А что? У меня 178, а у нее уже 183 сантиметра. Слушай, Люд, ты бы приезжала к нам в гости, – вдруг предложила я. – А то ты у нас с самого переезда не была.

– Потому что, знаешь, у меня такое ощущение, что любой, попадающий в ваш дом, моментально становится рядовым в летном отряде твоего благоверного. Так и тянет бежать исполнять его распоряжения. Нет, жить с военным – это не по мне. Он всегда так командует или только при переезде, когда нужно заставить ни в чем не повинных женщин таскать коробки?

Вопрос был риторическим. Григорий Сафьянов, мой муж, действительно умел, любил и был создан, чтобы командовать. Но теперь ему сорок четыре года, из-за зрения он был уволен в запас и больше не командир летного отряда, так что командовать ему придется преимущественно мною и Варей. Ну, еще немного консьержкой в нашей новостройке и соседями, которых он умело принуждает к сбору средств на нужды дома и к различным общественно полезным работам. Люди его уважают, но при этом прячутся за угол, когда он появляется на горизонте.

Без шуток, возьмем, к примеру, нашего соседа снизу, Лешу. Мой муж как-то раз договорился с ним высадить кусты и деревья около подъезда, чтобы было красиво. Леша не был готов платить деньги за кусты, цветы и деревья, как и все остальные жильцы нашего подъезда. Он отказался, заявив, что беден и безработен. Тогда Гриша предложил Леше «решить вопрос по-боевому» и взять на себя нагрузку по посадке растений. Леша хоть и нехотя, но согласился – жаба победила, и экономия показалась привлекательной. В самом деле, разве проблема всунуть в землю палки и кусты?

Наивный Леша.

В согласованную субботу, в семь утра мой муж «решительно приветствовал» Алексея на пороге его квартиры. Леша стоял в трусах и майке, а Гриша – с лопатами в одной руке и чертежами с «планом посадки» в другой. К своему сожалению, я тоже там была. Мне доверили нести большой извивающийся шланг, а Варваре – ведра.

Леша тысячу раз пожалел, что не отдал жалкую тысячу рублей, как и все в подъезде. Спал бы спокойно все выходные и мне бы дал исполнить свою мечту (см. пункт «моя активная жизненная позиция»). Но нет. Поутру Григорий выстроил нас всех, велел рассчитаться по порядку, а затем отрапортовать, кому какое задание поручено. Объемы, сроки, качество.

Вопросы? Нет вопросов? Тогда приступить к исполнению. По окончании доложить по форме.

В результате мы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** потратили субботу и воскресенье, создавая ландшафтный дизайн около подъезда. Мой муж с упоением использовал «мотивировочный диалог», подбадривая соседа, призывая его «быть мужиком» и рассказывая о том, как личная инициатива в разумных рамках создала человечество таким, каким мы его знаем. И что, если мы не будем уделять внимание деталям в таких вещах, как измерение лазерными измерительными приборами длины, глубины и ширины посадочного места для березы, то что же станет с нашей жизнью? Порядок исчезнет, хаос займет его место, и все полетит в тартарары.

Сосед Леша, возглавляемый моим супругом, показал чудеса трудовой дисциплины, удивив, наверное, даже самого себя результатом своих трудов. Но с тех пор он прячется за любым углом, забором, стеной, человеком или просто пытается провалиться сквозь землю, если Гриша появляется на горизонте. И, конечно, своевременно и в полном объеме сдает все деньги, которые собирают на блага нашего подъезда.

Ведь это НАШ ПОДЪЕЗД! А если мы не будем тратить время и внимание на детали, важные для комфортного счастливого проживания во вверенном нам подъезде, то во что превратится наша жизнь! В хаос!

Да, мой муж любит командовать.

И да, наш подъезд – самый изумительно чистый и красивый, а весной еще и самый зеленый, с прекрасной клумбой.

– Гриша будет рад, если ты приедешь, – заверила я Людмилу. Она с недоверием посмотрела на меня, а затем кивнула.

– Хорошо. Я привезу торт. А ты обсудишь с ним наш отпуск? Честно, это было бы просто шикарно. Мы можем взять путевку на июль, тогда уже любые ГИА кончатся.

– Я поговорю с ним, – пообещала я, не имея ни малейшего представления, как это исполнить на практике. Когда муж еще работал, я порой составляла для него формальные рапорты, если мне нужно было что-то, – не всерьез, конечно, а в шутку. Но Гриша на рапорты отвечал быстрее и по существу. Может, и теперь стоит подать рапорт?

Но ведь он убьет меня, если я только признаюсь, как ненавижу наши семейные походы. Как Людка их называет, «турне по тайге». Хочу шезлонг!

И я никак не могла вытравить эту мысль из головы. Ведь я никогда не была в нормальном отпуске. Последние два года мы не ездили даже в тайгу. После увольнения Гриши наша жизнь стала такой неопределенной, все стало зыбким и непредсказуемым. Ты можешь или любить жизнь жены военнослужащего, или ненавидеть, но стабильность и определенность завтрашнего дня – это несомненный бонус, который ты теряешь, покидая летный отряд. С этого момента жизнь меняется, теряет форму. И ни жилищный сертификат, ни пенсия по выслуге лет не доставят особой радости.

Первые месяцы Гриша сидел на кухонном стуле и смотрел на меня, словно ожидал, что я скажу ему, как жить дальше. На него было больно взглянуть. Затем Людмила предложила мне место в банке, а Гришке старый друг – работу. Конечно, не такую престижную и не в небе, но деньги хорошие. Потом мы взяли ипотеку, осели в Химках, так как не могли позволить себе квартиру на Речном вокзале, где я работаю, купили машину, влезли в долги, но зато появился смысл жизни.

По крайней мере, проблемы, с которыми можно эффективно бороться.

Каждый будний день, если Гриша работает в первую смену, я встречаю его около метро. Ровно в семь тридцать вечера, ни минутой позже. Опоздания в нашей семье не допускаются, как, впрочем, и многое другое. Если мы не будем уделять внимание деталям... Бла-бла-бла! Я давно приучила себя прибывать на место встречи заранее, это было куда проще, чем выслушивать потом очередную лекцию от моего командира. Сегодня я стояла на парковке и задумчиво скользила взглядом по проезжающим мимо меня машинам, но мысли были далеко – там, где в коктейли вставляют бумажные зонтики для красоты, где не нужно готовить и где нужны платья, а не шорты и «неубиваемая» туристическая обувь.

– Иришка, привет! – услышала я голос мужа, продирающегося ко мне сквозь утыканную машинами многоуровневую парковку около Речного вокзала. Как всегда, серьезен, словно улыбка – это проявление недопустимой слабости. Но я-то знаю, как он улыбается. У него очаровательная ямочка на щеке, но видно ее, только когда он улыбается. А еще, когда Гриша улыбается и склоняет голову немного набок, у него появляется такое хитрющее выражение лица. И он очень похож на Тимоти Далтона² в этот момент. Но исключительно когда улыбается.

– Гриша, что-то ты сегодня запоздал, – бросаю я как бы мимоходом. На часах семь сорок, как знаменитые слова в еврейской песенке. Десять минут, кто-то говорит, что такое опоздание даже считается приличным. Но не мой муж.

– Задержали на работе, – бросает он, и его серые глаза полны возмущения. Как только я могла подумать, что он задержался по собственной воле. Муж отряхивает пыль со своих

² Американский актер театра и кино (прим. ред.).

идеально отглаженных брюк и садится в машину. Деловой костюм а-ля «люди в черном» смотрится на нем великолепно. Достаточно свободно, но при этом не болтается. У Григория красивая мужская стать. Высокий, держится прямо, как будто в него палку вставили – в армии это называется «военная выправка». Он бежит по парку перед работой и останавливается около турника, чтобы подтянуться десять раз – это обязательно. По выходным – активный отдых. Зимой – лыжи, летом – плавание, бадминтон, велосипед. Черный костюм, голубая рубашка, синий в серебристую полоску галстук. Мой мужчина в отличной физической форме, никто не дал бы ему сорока четырех. Многие приняли бы его за бизнесмена, возвращающегося с деловой встречи.

Но они бы ошиблись. Григорий водит экскурсионный автобус. Он мог бы делать это и в более свободной одежде. Никому нет дела, во что одет водитель экскурсионного автобуса. Людям интересно, только чтобы он безопасно и комфортно вез их сквозь московские пробки, останавливался около достопримечательностей, не дергался с места резко. В этом Григорий – профессионал. После того как ты управлял летным отрядом из нескольких сложнейших летательных аппаратов, уж с экскурсионным автобусом-то справишься. Он предпочитает делать это в идеально отглаженном костюме и чистой рубашке каждый божий день. Муж говорит – нужно держать марку.

Угадайте, кто держит утюг?

– Ну, как прошел твой день? Какие экскурсии были сегодня?

– Сегодня опять «Огни большого города». Проезд около башни Федерации перекрыли, пришлось чуть ли не полквартала сдавать назад, – поделился муж, пристегивая ремень безопасности.

– Представляю, как это «легко» на твоей громаде, – рассмеялась я. Гриша покачал головой.

– Все бы ничего, но некоторые люди считают, что правила написаны не для них. Один такой умелец только чудом не влетел мне под просвет. Думает, если у него «Лексус», то может пройти сквозь автобус, – проворчал Гриша и достал из бардачка специальную тряпочку, чтобы протереть стекла своих стильных очков. Они ему шли, делали его лицо каким-то еще более серьезным и умным. Прямо профессор. Именно из-за этих самых очков ему и пришлось уйти из авиации. Небо предъявляет самые высокие требования.

– А Людмила приедет к нам в гости, – радостно сообщила я. – Может быть, даже в эти выходные.

– Включи поворотник, – коротко бросил мне муж, когда я тронулась с места, вырываясь с парковки. Я покорно включила сигнал.

– Так что ты думаешь? Мы же сто лет не собирались. Может быть, пригласим Васильевых?

– Выключи поворотник, – продолжил Гришка. Я почувствовала, как начинаю медленно закипать. – Давай пригласим Васильевых. Может быть, ты приготовишь свой «Наполеон»?

– Может быть, мы купим торт? Я не хочу все выходные готовить, – сухо ответила я и вошла в поворот коридора парковки куда резче, чем следовало.

– Эй, притормози, – последовал немедленный комментарий. – Если ограничение скорости – десять, это не значит, что ты должна ехать с этой скоростью. Не забывай, тут спираль.

– Да я в курсе! – воскликнула я. – Может, ты сядешь за руль?

– Ты же знаешь, что я просидел за рулем весь день, – возмутился муж.

– Я уже два года как-то справляюсь без твоих подсказок. Может, не надо говорить мне под руку, – насупилась я. Надо как-то вызвать у него чувство вины, чтобы потом мягко

подкатить к теме отпуска и моей «преступной» мечте пролежать его целиком, от первого до последнего дня, на шезлонге.

– То, что ты едешь без аварий, говорит о твоём везении и о квалификации водителей вокруг тебя, – «обрадовал» меня Гришка.

– Ну, спасибо! – я окончательно разозлилась, но он, кажется, даже не заметил этого.

– Статистика говорит, что самым опасным по аварийности является третий год управления транспортным средством. Надо будет нам провести с тобой дополнительные тренировки. Безопасность – это приоритет.

– Не хочу никаких тренировок.

– Пропусти «Шевроле», – скомандовал Гриша, подразумевая бежевую машину, движущуюся рядом со мной в соседней полосе.

– Это еще почему? – возмутилась я. – Я иду прямо, не поворачиваю.

– Он показал поворот и может совершить неожиданный маневр. Лучше его пропустить, – невозмутимо пояснил муж. Подразумевалось, что я должна тут же, немедленно, беспрекословно исполнить команду, как какая-то тренированная обезьянка. Но я не захотела. Напротив, прибавила газу, чтобы не дать бежевой машинке выйти вперед меня. Мы плелись рядом, и я видела, как «Шевроле» прижимается ближе ко мне, как бы показывая, что ему очень надо. В нормальных условиях я бы его пропустила.

– Ирина! – строго произнес муж, и знакомые металлические нотки появились в его голосе.

– Григорий! – ответила я, пытаюсь добиться такого же звукового эффекта. Машина впереди меня дернулась, и «Шевроле» поспешил занять место передо мной, но я оказалась проворнее и в считанные секунды догнала машину впереди. Водитель «Шевроле» затормозил, а лицо моего благоверного перекосила судорога истинной муки. Кто-то ослушался его команды!

– Ты ведешь себя неразумно и подвергаешь опасности себя и других участников дорог... – попытался было достучаться до меня он, но водитель «Шевроле» уже принял решение и занял свое место после меня. Я торжествующе улыбнулась.

– И никто не пострадал! – победно заявила я.

– О, конечно. Это аргумент! – воскликнул Григорий. – Определенно, тебя надо потренировать.

– Или можно отпустить меня в отпуск в Турцию, и тогда я там отдохну на пляже, поправлю нервы и не буду такой вспыльчивой. Стану снова послушной, – выпалила я как на духу.

– Что? О чем это ты? – вытаращился на меня мой агент 007 от московского экскурсионного бюро.

– Об отпуске. Я взвинченна, устала.

– Мы поедем в отпуск, – заверил меня Григорий. – Я подумаю. Может быть, в этот раз мы даже потянем катамараны на Кавказе. Помнишь, я тебе рассказывал о группе. Ребята поедут. Не отпуск, а мечта.

– Это твоя мечта! – возмутилась я. – А я не хочу катамараны. Не хочу спать в палатке.

– Да что с тобой?! – всплеснул руками Гриша. – Сейчас вообще февраль. Рано даже и думать об отпуске. Это тебя Людка, что ли, с панталыку сбила?

– Никто меня не сбивал! – вспылила я. – Просто я хочу в отпуск на пляж.

– Мы же всегда презирали этих тюленей на лежбище.

– А я теперь хочу на лежбище!

– Нет. Это неприемлемо, – заявил Григорий тоном «разговор окончен». Кто бы сомневался. Но только я не была готова закрыть тему. Может быть, не сегодня, но завтра я добьюсь своего. Наверное. А сейчас – я была так зла, так зла... Что совершила то, что по шкале

преступлений Григория Сафьянова тянет на десять из десяти. Когда мой телефон зазвонил, я ответила и принялась говорить по телефону и одновременно вести машину. Муж покраснел, а глаза его сощурились. Так-то, дорогой!

– Алло?

– Повесь трубку! – прошипел Гриша.

– Ирина Олеговна? Это учительница Вари по математике беспокоит. Удобно разговаривать? – тон сухой, деловой. Учительница? Нам никогда не звонят преподаватели, во всяком случае, не говорят таким сухим тоном. Варя – отличница, в школе ее любят и говорят о ней тепло и с нежностью.

– Да, это я, – кивнула я и бросила короткий взгляд на моего разъяренного мужа. – Да, мне удобно разговаривать. А в чем дело?

– Вы не могли бы заехать в школу? Нам нужно поговорить, – еще сдержаннее ответила учительница.

– По поводу Вари? – уточнила я на всякий случай.

– Да, по поводу вашей дочери.

– А что случилось? Все в порядке? – заволновалась я. Учительница помолчала, а затем добавила, что ей просто необходимо с нами посоветоваться. Посоветоваться? О чем? Какую ленточку пришить к золотой медали Вари? С таким отцом, как Гриша, у дочери не было ни одного шанса учиться плохо. Так в чем же дело? – А вы не можете посоветоваться со мной по телефону?

– Ирина, прекрати немедленно! – рявкнул Гриша и вырвал у меня трубку. – Следи за дорогой. Алло?

Я повернула на Ленинградское шоссе, подумав, что это даже неплохо, что он взял трубку. Обычно после разговора с ним по телефону люди теряют всякое желание встретиться лично. Григорий принялся допрашивать учительницу в свойственной ему агрессивной манере. Затем даже предложил ей решить все вопросы «по-боевому», но, к его большому удивлению, и ему не удалось вытянуть из учительницы, что именно она хочет от нас и для чего мы должны приехать.

Поскольку такое случилось впервые, я временно перестала злиться из-за отпуска и начала нервничать за дочь. Варя для нас обоих – главное в жизни. Тут уж как ни крути.

Глава 2, в которой я узнаю многое о подрастающем поколении

Здание школы, где учится наша Варечка, очень странное, словно архитектор создавал проект, мягко говоря, в не самом адекватном состоянии. Оно получилось у него как какой-то дом-лабиринт не для средних умов. Многогранник причудливой формы, с пятью возможными входами-выходами и множеством закоулков и углов как снаружи, так и внутри здания. Если бы ученикам нашей школы нужно было спрятаться, чтобы покурить, перед ними предстал бы широчайший выбор. Однако, по словам Гришки, никогда не знаешь, из какого окна какой угол «простреливается». Небезопасно.

Впрочем, современные школьники уже давно перестали «морочиться», пытаются скрыть вредные привычки, подцепленные у учителей и родителей.

Когда я подходила к главному входу школы, стайка старшеклассников мирно курила прямо около входа. Никакого беспокойства. В мое время за такое немедленно вызывали к директору.

О боже, неужели я употребила выражение «в мое время»? Нет-нет, в тридцать четыре года еще рано так говорить.

Вчера вечером я попыталась узнать у дочери, в чем дело и по какому вопросу нас вызывают в школу.

– Кто вызывает? Русичка? Она просто дура, – последовал простой и короткий ответ.

– Но почему-то же она хочет, чтобы твоя мать отпросилась с работы и пришла в школу? – свел брови Григорий. Я последовала его примеру и посмотрела на него. С какого это, интересно, ляда я должна идти в школу одна, да еще к тому же отпрашиваться с работы? Может быть, наоборот, он добежит до русички перед вечерней сменой?

– Откуда я знаю?! – пожала плечами Варя. – Может, деньги какие-нибудь собирает?

– Ты думаешь, что она не могла сказать это по телефону? – усомнилась я. Варвара отстранилась от дальнейшей дискуссии. Она взяла со сковородки последнюю котлету, слопала ее, прямо стоя у плиты, а затем ушла в свою комнату «делать уроки». Волшебные слова, после которых в доме затихают звуки, телевизор делается тише и даже ходить мы стараемся на задних лапках.

Варечка делает уроки! Не мешайте нашей девочке!

Принцесса удалилась в свои покои с таким видом, будто разговор о вызове в школу ее невероятно утомил. Маленький Эйнштейн в домашнем сарафане с вышитыми оленятами по подолу, гений, который знает мир куда лучше, чем челядь и всякое старье, окружающее ее, то есть мы с Гришей. Мы проводили ее ошарашенными взглядами, но между собой предпочли не обсуждать поведение дочери.

Надавать бы ей тумаков и отправить в угол... Вот только Варвара учится на одни пятерки, идет на золотую медаль. Гордость школы: победительница районных олимпиад по русскому языку, математике и биологии. Папина радость.

– Может быть, и вправду с нас хотят собрать какой-нибудь очередной добровольно-принудительный взнос? Честно говоря, я уже устал ремонтировать эту школу! – воскликнул Гриша и с недовольством бросил сковороду в раковину. Определенно, он тоже имел виды на последнюю котлету, так что теперь я еще и в том окажусь виновата, что мало нажарила котлет. Я вздохнула и отправилась мыть посуду. Обсуждать вопрос, кому идти на «беседу», не стала. Бессмысленно потрачу драгоценные часы отдыха.

Стайка старшеклассников отреагировала на меня, формально убрав дымящиеся сигаретки за спины. И на том спасибо. Только один, рыжий и вихрастый мальчишка, не потрудился даже посмотреть в мою сторону. Он так заправски курил, словно делал это уже лет сто. А еще слушал музыку, отделившись от всего мира огромными наушниками. Взгляд его был сосредоточен на экране смартфона. Рыжий чертенок делал затяжку, а затем тыкал пальцами с сигаретой в экран своего смартфона. Вот она – современная молодежь, тело здесь, а мозг – бог весть где.

Парнишка даже не заметил, как я прошла мимо. Острый запах сигаретного дыма заставил меня поморщиться. Кури-кури, дружок. Так и останешься крошкой-картошкой. Если честно, я не понимаю, зачем им это надо – начать разрушать себя еще до того, как они окончательно сформировались. Что именно и кому доказывает рыжий черт, выдыхая сизый дым из своих юных легких? Мой Гриша никогда не курил, хотя большая часть его друзей-коллег дымили, как паровозы. Но не в нашем доме и не при мне или Варе. Закон.

В школе кипела жизнь. Занятия уже в основном закончились, но ученики еще не разошлись по домам. Они шумели, словно иерихонские трубы. Честно признаюсь, я даже не представляю, как несчастные учителя выживают в этих условиях, приближенных к боевым. От крика учеников голова начинает болеть через десять минут нахождения в эпицентре – в коридорах этой большой, сложно спроектированной школы. Дети орали и бегали. Один мальчик, третьеклассник на вид, красный, как помидор, и счастливый, как победитель лотереи, катился по полу на коленках и на полном ходу врезался в меня, чуть не сбив с ног. Ну не умею я вовремя увернуться от летящего по полу ребенка.

– Ирина Олеговна? – русичка помахала мне рукой, выглянув из дверей своего просторного, вылизанного старательными детскими руками класса.

– Я здесь! – ответила я, поднимаясь с пола и помогая третьекласснику принять вертикальное положение. Мальчик моих усилий не оценил, тут же побежал дальше с громким криком. Продленка! Я осторожно, по стеночке, добралась до класса русского языка.

– Спасибо, что пришли, – пробормотала Марина Ивановна, закрывая за мной дверь. Гулкое эхо детского беспредела затихло.

– Ну что вы. Конечно, – пробормотала я, стараясь скрыть растерянность и волнение. Вряд ли это получилось. Муж говорит, что у меня всегда все на лице написано. Может быть, ходить на вызовы в школу в парандже?

– А Григорий Алексеевич не придет?

– Он, к сожалению, не сможет, – покачала головой я, все еще злясь на мужа за тотализм в вопросах ответственности за воспитание дочери. Как ее хвалить и дарить подарки – это он. Как ходить на собрания в школу – это я. Неудивительно, что отца Варвара обожает, а на меня смотрит хмуро и требовательно. В основном воспринимая как метателя котлет.

– Что ж... Может, так даже и лучше, – сказала учительница, из-за чего я вдруг занервничала. Такой тон! Вряд ли речь пойдет о деньгах. Мне было предложено сесть за парту напротив учительского стола. Затем Марина Ивановна долго перебирала какие-то бумаги, смотрела в журнал, включала компьютер и вертела ручку. И готовилась к разговору со мной. Марина Ивановна вела у Варвары русский и литературу с пятого класса, она всегда любила Варю и, как следствие, любила нас, родителей.

– Что-то случилось? – спросила наконец я.

Марина Ивановна остановилась, положила ручку на стол. Она уставилась на меня так, словно собиралась с силами. Затем выдохнула и спросила:

– Скажите, у вас все дома в порядке?

– Что? – я наклонилась вперед и нахмурилась. – В каком смысле?

– Вы меня извините. Это не мое дело. Иногда такие проблемы сказываются на подростках. Они переживают. Может быть, не показывают этого, но...

– Да о чем речь? – начала злиться я.

– У вас с мужем никаких проблем нет?

– Какие еще проблемы у меня могут быть? – Я, грешным делом, подумала о том, что Гриша не отпускает меня в отпуск и что это, конечно, проблема, особенно теперь, когда Людмила прислала мне фотографию пляжа, где мы, по ее мнению, могли бы лежать две недели, не шевелясь... Но ведь не об этой же проблеме говорит Марина Ивановна.

– Вы не разводитесь? – тихо спросила она. И тут я онемела. Сглотнула слюну, затем попыталась собраться с мыслями, чтобы ответить, но не смогла. Попытки кончились ничем. Я попыталась представить себе, откуда такая дикая мысль могла поселиться в голове учительницы. Может, Варя права и русичка – дура? Чокнутая? «Того»? Или... тут мои зрачки расширились... вдруг Варя сама что-то такое сказала про нас? Если да, то как? Почему? С чего бы? У нас с мужем все хорошо!

Ну... не лучезарно хорошо. Но нормально! А как еще должно быть у мужа и жены, которые живут вместе уже пятнадцать лет? Но развод? Такое слово даже не появлялось за все годы в моем лексиконе.

– Ирина Олеговна, вы меня простите, пожалуйста, если затрагиваю болезненную тему, но я просто обязана реагировать. Такие вещи очень сказываются на ребенке. Особенно в переходный возраст, – русичка частила, а я с трудом улавливала смысл того, что она говорит.

– Какие вещи? – переспросила я, стараясь подавить раздражение.

– Дети тяжело переносят конфликты между родителями, – развела руками она.

– Вы мне можете объяснить, что происходит? – воскликнула я. – Мы не разводимся с мужем! И конфликта никакого у нас нет!

– Правда? – искренне удивилась Марина Ивановна. Я вдруг заинтересовалась вопросом, а замужем ли сама учительница русского языка и литературы? Если бы она была замужем, знала бы, что нет, это неправда. Конфликты есть в любом браке. Но это не значит, что семья распадается. И это никак, НИКАК не влияет на детей. Во всяком случае, не на Варю.

– Что не так с Варей? Я смотрела ее оценки... – сухо продолжила я.

– Дело не в оценках, – покачала головой учительница. – Она изменилась.

– Изменилась? – я повторяла за нею, как попугай.

– Вы не замечали?

– Нет, – я лихорадочно восстанавливала в памяти все мои недавние разговоры с дочерью, чтобы протестировать их на предмет перемен. Вчера дочь съела котлету и ушла в комнату. Все, больше мы не разговаривали. Три дня назад она попросила денег – Гриша дал ей пятьсот рублей сверх карманных. Варя высказалась в ключе того, что пятьсот рублей по нынешним временам – ничто. Григорий не согласился с нею, но из-за любви к дочери добавил еще пятьсот. Все выходные Варя провела у своей одноклассницы Маши Гуляевой, что живет в соседнем подъезде. Они дружат с тех самых пор, как Варя перешла в школу в Химках. Хорошая семья, мама работает бухгалтером, а отец, кажется, какой-то и впрямь крутой. Директор предприятия вроде. Вот и все, что мне было известно о жизни дочери. Мне казалось, этого достаточно. Определенно, я ошибалась.

Господи, я почти не общаюсь с дочерью, нервно подумала я.

А еще просила меня подарить ей на день рождения котенка. Когда ж это было? Полгода назад? Я ответила, что только котенка мне и не хватало. Гриша сказал, что если дочь будет убираться за собой хотя бы в своей комнате эти самые полгода, то можно будет подумать о ее просьбе о котятках. Таким образом, вопрос был решен. Уборка – не в характере нашей

принцессы. Даже ради котенка. Если начать убираться самой – для чего тогда вообще нужна мать? Я почувствовала неприятную горечь во рту.

– В последние месяцы с Варей определенно что-то происходит, – заявила Марина Ивановна. – Конечно, я все понимаю, возраст такой. Но я беспокоюсь, как бы это не сказалось на учебе. Пока что мы стараемся не давить на нее слишком сильно. Но я решила поговорить с вами, потому что... я подумала...

– Мы с мужем не собираемся разводиться, – отрезала я. – А что именно с ней происходит? Вы же имеете какие-то факты? Или это только ваше ощущение?

Мои слова прозвучали грубее и суше, чем я ожидала, и Марина Ивановна посмотрела на меня с осуждением и обидой.

– Конечно, факты есть. Раньше Варя с удовольствием училась. Ей было интересно. Она даже другим ученикам помогала. Диму Грачева по математике подтянула, например. Ей нравилось, понимаете? У нее глаза горели.

– Ну, может, она устала. В конце концов, все время ездит на ваши олимпиады. А в этом году ГИА, она должна сосредоточиться на экзамене.

– Несколько раз Варвара не могла ответить, о чем говорил учитель, потому что не слушала! – бросила мне русичка. – Она, как двоечники, сидела, как зомби какая-то, и тыкала в свой смартфон. Никогда раньше такого не было с ней.

– Может быть, урок был скучный? Или она просто и так знала весь материал?

– Недавно Варя сказала учителю истории, что он преподает чушь и у нее нет времени на это. А однажды, когда я сделала ей замечание и потребовала, чтобы она отдала мне телефон, девочка просто встала и ушла с урока. Прямо посередине урока – встала и вышла из класса, хлопнув дверью со всей силы. И еще накричала на меня, – лицо учительницы покраснело, она тяжело дышала. Марина Ивановна была по-настоящему обижена. Я изумленно слушала все то, что она говорила. Эти рассказы настолько не подходили к моей Варечке, что я ловила себя на остром желании переспросить, не перепутала ли Марина Ивановна ее с кем-то другим.

– Ушла с урока?

– И накричала! – повторила русичка. – Сказала, что все мы тут дурью маемся. Именно так и сказала. А еще она перестала носить форму. Мы пытались... Ольга Александровна попыталась сделать ей замечание, объяснить. Форма – это же чтобы все чувствовали себя комфортно. И у Варечки никогда не было проблем, она же всегда была хорошей девочкой.

– Была? – окончательно опешила я.

– Мы, конечно, думали, что все это – просто детский протест. Знаете, кто-то на уроках пытается курить, кто-то петарды взрывает, а кто-то приносит спиртное – это мы знаем и привыкли.

– Как можно к такому привыкнуть? – поразила я. Марина Ивановна посмотрела на меня так, словно я была наивным ребенком.

– Мы тут с таким сталкиваемся, что ни пером описать, ни заявлением в полицию. Но Варя Сафьянова – это же наша медалистка. Мы не хотели на нее давить. Ольга Александровна только сказала, что драные джинсы – это для драных кошек.

– Что? – возмутилась я. – И это вы называете – не давить?

– Согласна, прозвучало грубовато. Но Варя вдруг разрыдалась так, что мы растерялись. Она так плакала, словно у нее кто-то умер. Какое-то горе. С Варей случилась настоящая истерика. Мы даже медсестру позвали.

– Почему вы мне ничего не сказали? Я понятия об этом не имела! – я вскочила и ухватила за край парты.

– Так вот я вас и вызвала. Варя стала прогуливать.

– Что?

– Да! Она на прошлой неделе прогуляла все уроки физкультуры.

– Ну, может быть, у нее были... эти дни? – предположила я.

– А в этот понедельник вообще не появилась в школе.

Я замолчала, потому что понятия не имела, что ответить. Могу сказать только, что в этот понедельник, как и в прошлый, и в позапрошлый, Варя вышла из дома с рюкзаком, в котором лежали учебники и бутерброды. Вышла, чтобы пойти на занятия. Где же она была вместо этого?

– Вы должны поговорить с ней. Возможно, ее нужно отвести к психологу. Может быть, вы и правы, и мы все немного передавили на нее. Девочка теряет интерес к учебе. А ведь этот год очень важный. Некоторые оценки из ГИА пойдут в аттестат.

– Я знаю, знаю, – кивала я, прикидывая, как буду рассказывать все это Грише. И что, в самом деле, мне теперь делать? Отвести дочь к психологу?

– Мы должны сделать все возможное, пока не стало поздно.

– Вы меня пугаете, – призналась я. – Что значит пока не стало поздно?

– Знаете, я уже видела подростков, которые не справлялись с переходным возрастом. Раз вы говорите, что дома ничего не поменялось, значит, Варечка находится под давлением и стрессом из-за гормональной перестройки. Ей нужно помочь. А то ведь может и вовсе бросить учиться. Они в этом возрасте только об одном думают.

– О чем? – удивленно спросила я, глупо хлопая глазами.

– О чем? Ну, о мальчиках, конечно.

– Только этого мне не хватало, – вздохнула я.

– Именно, – многозначительно кивнула Марина Ивановна. – Варя очень талантливая. У нее хорошие знания. Будет очень жаль, если она сорвется и полетит в пропасть. Девочки сейчас только и думают о том, как замуж выскочить. Но ведь замужество – не главное в жизни.

* * *

– Замужество? Да она же еще ребенок! – воскликнул мой муж, когда я попыталась осветить ему проблему. Гриша собирался на работу, когда я поделилась с ним проблемой. Он выходил в вечернюю смену и уже стоял посреди спальни в черных носках, трусах и отутюженной голубой рубашке, когда я решила все обсудить.

– Конечно, она ребенок, и всякие мысли о мальчиках – пустые мечты, не больше. Не об этом речь. Она может перестать учиться, ты понимаешь? Мы же привыкли, что Варя поддается твоему давлению, как домашний сыр.

– Я ни на кого не давлю! – возмутился муж. А я лишь усмехнулась.

– Да, значит, она просто так, от природы учится легко и не создает нам никаких проблем! И это никак не связано с тем, что ты лишаешь ее компьютера и телефона на неделю, если она приносит четверки.

– Ну, я просто не хочу, чтобы она расслаблялась. Учю ее ответственности. А теперь, раз она так сильно расслабилась, мы установим глобальный контроль за ее учебой и передвижением, – заявил Гриша, снимая с вешалки костюм.

Варя ушла к подруге, и именно поэтому сейчас мы могли поговорить спокойно, не боясь, что нас услышат. Я не хотела объясняться с дочерью, пока мы не придумаем, что, собственно, ей сказать. Прогул – это серьезно. Рыдание в кабинете директора – еще хуже. Но Гриша, как всегда, все видел по-своему.

– И как ты это представляешь? Я, что ли, буду ходить с ней на уроки?

– Ходить не надо, – спокойно ответил Гриша, завязывая галстук. – А вот уроки с ней вместе ты делать можешь. И учителям звонить, пришла она на урок или нет. Сейчас ее надо будет наказать и оставить дома заниматься на все выходные.

– Вдруг она разрыдается?

– Ну, что ж. Пусть поплачет. В конце концов, кто виноват в ее прогулах?

– Хорошо! – хитро сощурилась я. – Только о том, что мы ее наказываем, давай ты ей скажешь?

– Это почему? – моментально среагировал Григорий.

– Потому что! – возмутилась я. – Не собираюсь снова быть плохим полицейским. Как комнату ее заставлять убирать – я. Как пилить ее из-за того, что она не спит до полуночи, – я. Как денег ей на кино дать – это ты.

– Я не понимаю, что ты хочешь от меня? – Гришка отвел взгляд и ускорил завязывание галстука. – Девочка устала учиться? Ну что ж, может быть, и не надо ей так уж серьезно учиться.

– Что? – я обошла его и встала в дверях. – Что ты имеешь в виду? – Я уперла руки в боки и уставилась на супруга, который демонстративно стряхивал невидимую пыль с рукава пиджака, только чтобы не смотреть мне в глаза. Зачем вообще нужен такой костюм водителю экскурсионного автобуса? Пора бы уже понять, что это не форма пилота!

– Ничего я не имею в виду, – пробормотал он. – Мне пора.

– Она – отличница, у нее светлая голова. Варя сможет поступить в МГУ, если у нее будет золотая медаль. Разве мы не этого хотим?

– Этого, да! Чтобы она поступила в хороший институт, где учатся толковые ребята. Но зачем?

– И зачем же? – сощурилась я.

– Чтобы она училась вместе с этими толковыми ребятами из хороших семей и выбрала себе мужа, – невозмутимо пояснил Гриша.

– А что, если Варвара захочет делать карьеру? Она хочет поступать на журфак, между прочим! Она, может, окажется талантливее и способнее этих толковых ребят! – прошипела я. – Замужество сейчас не главное дело, слава богу.

– Что за ерунда? Конечно, Варя должна удачно выйти замуж. А для этого она должна попасть в среду общения, где есть из кого выбирать. С ее внешностью она сможет заполучить любого!

– Не верю своим ушам! Какое-то Средневековье! – я всплеснула руками. – Я-то думала, ты веришь, что она может чего-то достичь. Наша дочь очень умная девочка.

– Она – девочка! Это ты в точку попала. Зачем ей карьера?

– Что ж, я так ей и передам, что папа считает ее неспособной ни на что, кроме как пойти под венец.

– Это неправда, – Гриша аккуратно отодвинул меня от двери. – Она способна на многое. Но я не хочу, чтобы Варя выросла и превратилась в ледяную стерву, командуемую мужиками.

– А почему бы и нет? Почему бы ей не покомандовать?

– Ну чего ты так завелась? Разве тебе плохо оттого, что ты удачно вышла замуж? – спросил меня Гриша, а затем поцеловал в нос. – Поехали, Гришка, а то я опоздаю.

– И что будет?

– В смысле? – вытаращился на меня муж.

– Что будет, если ты опоздаешь? Это просто работа. И просто деньги. Почему, когда речь идет о моей работе, я могу отпроситься, уйти пораньше, взять больничный, с кем-то поменяться, задержаться ненадолго. А когда речь идет о том, чтобы ты возил туристов по Москве, ты не можешь взять отгул даже ради дочери?

– Потому что я должен кормить семью, – холодно бросил Григорий.

– Я тоже кормлю семью. Но при этом хочу, чтобы наша дочь жила полной жизнью. Если она полюбит человека – она выйдет за него замуж. Если она будет преуспевать в карьере – я буду только рада. А ты все сводишь к тому, что без мужа женщины неполноценны.

– А потому что так и есть, – заявил Гриша. Я почувствовала, как кровь приливает к моим щекам.

– Ну, спасибо, мой дорогой любимый муж. А ведь я в банке зарабатываю не меньше тебя. Мы зарабатываем одинаково! – в сердцах бросила я. – Чем моя карьера хуже твоей?

– Моя карьера? Ты ЭТО называешь карьерой? – ледяным тоном переспросил он.

– Ой, прости, – злобно ответила я. – Конечно, ты пилот. Ты – серьезный мужчина в сложной ситуации, а я – просто женщина у плиты. А ведь я вышла за тебя замуж, дорогой, не потому, что так видела мой карьерный рост. А просто влюбилась как сумасшедшая. И ни на одну секунду не задумывалась, насколько мой выбор удачен. Если бы я следовала твоим же стандартам и выбирала так, как ты говоришь, чтобы выбирала наша дочь, то я должна была бы... – Я замолчала.

– Ну, договаривай. Договаривай, дорогая. Ты бы выбрала кого-то получше, верно? – ядовитым тоном бросил мне он. – Я знаю, что у тебя и варианты были.

– Именно! – рявкнула я. – Варианты были. Но полюбила тебя. И теперь торчу тут, пытаюсь вымолить уважение если не ко мне, то хотя бы к будущему нашей дочери. Которую ты, получается, считаешь человеком второго сорта, да? Зачем вообще тогда заставлять ее учиться? Давай скажем, что она все равно ни на что не годна, кроме как всю жизнь стирать носки и мыть посуду...

– Может быть, у тебя и сейчас есть варианты, – задумчиво пробормотал Григорий.

– Что? – я уставилась на него, зачарованная тем, как мужчины могут все перевернуть с ног на голову, уйти от вопроса и одновременно обвинить любого в чем-нибудь негодяйском.

– А что, конечно! Это только логично и очень по-женски. Я теперь никто, летать уже никогда не буду. Отчего бы не выбрать кого-то поинтереснее. Ты еще не старая. Красивая женщина. Зачем тебе тратить на какого-то водителя экскурсий?

– Идиот! – выкрикнула я и только потом краешком глаза заметила, что в дверях стоит Варвара и смотрит на нас. Мы с Гришей, не сговариваясь, замолчали и неуклюже попытались сделать вид, что ничего не происходит. Варвара фыркнула, хлопнула дверью и исчезла. Мы стояли и смотрели друг на друга, и где-то в глубине души я вдруг поймала себя на неприятном чувстве, что русичка-то была не так уж и не права. В конце концов, оказывается, у нас с мужем все-таки есть проблемы.

Глава 3, в которой я знаю свое место

Ух, как же я была зла. Кажется, от такого объема ярости можно взорваться. Непробиваемый чурбан! Откуда только все мужчины набираются таких вот идей о корыстности нашей женской природы. Стоит оглянуться вокруг, и сразу станет понятно, что наши женщины выбирают мужчин не ради сладкой жизни, а, скорее, вопреки ей.

Женщины выбирают мужчин ради ЛЮБВИ! Больше никак этого не объяснить.

Все очевидно. Иначе где роскошные квартиры, дорогие машины и семизначные счета в банках? У меня, к примеру, «роскошные» условия ипотеки, где я прохожу созаемщиком, а также моя дорогая дочь, на образование и обеспечение которой уходит половина нашего дохода. А еще – отрицательный баланс на мобильнике, который я все время забываю пополнить.

Если бы не любовь, разве мы вели бы себя так? Мы не приглаждаемся к мужчинам чересчур пристально, потому что так, чуть размыто, нечетко – лучше. Не так заметно, что выбор – не самый лучший. Но ведь нам, русским женщинам, на оптимальность наплевать. Мы выбираем сердцем.

Взять хотя бы Гришку. Мы познакомились, когда он приехал из Мурманска в Москву на стажировку в Кубинку. Мне было восемнадцать, ему – двадцать восемь. Военная форма сидела на нем идеально, а его серые глаза буквально разжигали во мне огонь. Смотрела на него и с трудом подбирала слова, чтобы ответить на его вопрос. Как меня зовут? Ира, глупо улыбалась я. Чем занимаюсь? Учусь. Вашей маме не нужен зять? Банальный вопрос, но в этот самый момент я вдруг поймала себя на мысли, что моей маме до зарезу нужен именно такой вот стройный, сероглазый зять. Чтобы я могла сидеть рядом и смотреть на его суровое, не улыбочное лицо.

Отличный расчет!

Я вышла за Гришу беременная, когда мне едва стукнуло девятнадцать. Он тогда почти вообще ничего не зарабатывал, потому что времена были тяжелые, а все, о чем он хотел и мог думать, – это полеты. Потом я покинула родную Москву, чтобы начать новую счастливую жизнь в военном городке, в общежитии. Радость сомнительная, поверьте мне. Особенно когда муж постоянно занят ДЕЛОМ, а у тебя в общежитии потолок протекает и есть риск, что вообще на тебя обвалится. Роскошный выбор.

Людмила, моя подруга, та самая, которая устроила меня в банк и теперь, как змей, совращает фотографиями пляжей, – тоже была замужем. Сейчас уже, правда, нет, и, если кто-то предлагает ей снова сделать этот «правильный выбор», она нервно вздрагивает и плюет через левое плечо.

Тьфу, тьфу, тьфу. Не приведи господи!

Ее муж – приличный человек с высшим образованием и высокой самооценкой – работал хозяйственником на крупном предприятии и по роду работы пил так, что трескали стены. Я лично однажды помогала перетаскивать Людкиного мужа из гостиной в спальню, после того как он перебрал, отмечая день рождения жены – начиная с вечера накануне. Неудивительно, что к обеду следующего дня он напохмелялся так, что встать уже не смог. Лежал, смотрел в потолок и улыбался. И бормотал что-то неразборчивое.

Муж у Людки немаленьких размеров, а отключился ужас как несвоевременно – в доме ждали гостей, и не таких, которые спокойно отнесутся к валяющемуся на кафеле хозяину дома. Такие, конечно, тоже есть в наших кругах – к примеру, я. При мне почему-то можно вести себя как угодно. Или родственники – им тоже случалось видеть всякое. Или сын, кото-

рый уже несколько лет живет отдельно. Но сын – это вообще-то не гость и даже не родственник. Это ж кровь и плоть. При нем все можно.

Но в тот раз Людмила решила закатить вечеринку и пригласила друзей с работы, пару одноклассниц, еще кое-кого из категории «нужные люди». В общем, Людка тянула мужа за ноги, а я подталкивала под плечи. Рубашка закатилась, и пришлось некоторое время любоваться «шариком» пресса, которым ее супруг довольно часто хвастался перед нами как бы в шутку. Волосы на его животе уже начали сесть.

Но расстались они, потому что Людкин муж завел себе молодуху.

Людка потом со слезами на глазах говорила мне, как благодарна она этой юной дуре, которая повелась на ее старого козла. Уборки втрое меньше, утром хоть кофе можно в тишине попить перед работой. Никого ни о чем не надо спрашивать, носки не стирать. И деньги – хоть теперь можно на отпуск накопить. А любовь? Кто знает! Любви все возрасты покорны.

И несмотря на все это, мужчины умудряются пребывать в счастливой уверенности, что замужество – это Альфа и Омега, самое важное и самое лучшее, что только может случиться с женщиной в жизни. Все меркнет перед таким счастьем, и, соответственно, не стоит об этом даже упоминать.

У меня было много слов, которые я хотела сказать моему дорогому супругу Григорию, как я уже упомянула, идиоту, а у него, не сомневаюсь, было что мне ответить. Но в самый неожиданный момент нас опять застала Варя ссорящимися. В последнее время – совсем не редкость. Из уст моего благоверного прозвучала коронная фраза, после которой я решила вообще не разговаривать с этим представителем сильной и упертой половины человечества.

– Ну вот! Видишь, чего ТЫ добилась! – развел он руками. Я постояла несколько минут, в прямом смысле не зная, что ответить на это. Каким тупым тяжелым предметом можно выразить свою «любовь»? Я машинально развернулась и пошла в комнату дочери. Муж, злой, как черт, посмотрел на часы – он уже опаздывал. Но оставить ситуацию в таком виде не мог. Спасало лишь то, что обычно Гриша приезжал на работу за сорок минут до начала смены – военная закалка, профилактика против самой идеи опоздания.

Когда мы с ним открыли дверь в комнату, дочь сидела на кровати, держа в руках плюшевого мишку, с которым не расставалась, наверное, все детство. Она смотрела на нас обвиняющим взглядом, и ее глаза сверкали совсем как отцовские. Я всегда была рада, что Варвара унаследовала красивые Гришины глаза, его строгий, выразительный взгляд а-ля доктор Хаус. Но сейчас чувствовала себя неудобно.

Комната Вари выходила окнами на юг, по утрам тут было солнечно, а во второй половине дня стояла приятная полутьма. Письменный стол напротив окна завален учебниками, книгами, проводами, тряпками и вещами, предназначения которых я даже не знаю. Отдельно, чуть сбоку, красуется экран Варькиного компьютера – она выбивала его из нас долго, но при переезде даже у Гриши не осталось аргументов «против». Н-да, порядочек в комнате оставлял желать лучшего, и муж поморщился, глядя на стул, спинка которого была завалена грудой одежды.

Он скривил лицо, но промолчал. Молодец. Сейчас не время начинать дискуссию – «это моя комната, и нечего сюда заходить, если не нравится. Я тебе до сих пор обои не простила»!

Светлые обои с цветастыми мячиками – очень детские и скорее мальчишеские – подбирал, конечно же, Григорий. Варвара даже разрыдалась, когда увидела, что именно папа решил поклеить на ее стенах – самые «тупые» обои на свете. Но переспорить его с помощью слез – это путь в никуда, особенно когда обои уже куплены и деньги потрачены. Гришка только разозлился и поклеил мячики сам, без нашей помощи. Из чистой вредности и желания показать, кто в доме хозяин.

Когда мы делали ремонт, муж рулил нами, как хорошо вышколенными солдатиками, и голосование не применялось как элемент, порождающий хаос и анархию. Единственный вопрос, в котором мне удалось добиться хоть какого-то плюрализма мнений, – это кухня из светлого бука. Григорий изначально желал темно-серую с множеством металлических элементов. Надежно, крепко и не марко. Убирать будет легче. Но я взбунтовалась так, что на полном серьезе заявила, что не приготовлю на серой кухне ни одного вкусного блюда – НИКОГДА. Буду совать в серую микроволновку серые покупные пельмени, и плевать, что у него изжога. Только после этого муж нехотя отступил и разрешил мне выбрать самой полочки и шкафчики. Дочери так не повезло.

– Детка, ты знаешь, что я встречалась с Мариной Ивановной? – спросила я, аккуратно присаживаясь к Варе на краешек кровати. Гришка так и стоял в дверях. Он еще не отошел от нашей ссоры и не был уверен в том, что я не выкину какой-нибудь номер. Да, все время, что мы живем вместе, я время от времени выкидываю «какой-нибудь номер», и, надо сказать, только за счет этого и держусь. Вот и сейчас планировала устроить «шоу», но позже. «Номер» – это блюдо, которое лучше подавать холодным.

– Она дура! – прошипела Варя, скользя хмурым взглядом по лапкам своего медведя. Затем бросила тревожный взгляд на меня. Видно, хочет знать, что сказала эта «дура». Беспокоится. Значит, чувствует вину.

– Ты прогуляла уроки в понедельник, – мягко добавила я, давая дочери возможность объясниться. Варвара тут же раскрыла рот и зачастила:

– У Машки Гуляевой пошла носом кровь. Это было еще до первого урока. Никак не унималась, и я побежала к медсестре. Но ее не было на месте, пришлось ехать в поликлинику. Не могла ее оставить одну!

– А почему ты учительнице не сказала? – спросил отец из дверей жестким, сухим голосом. В этот раз роль плохого полицейского досталась ему.

– Я... не знаю. Разволновалась, – бросила Варя, а интонация ее голоса стала еще более уверенной. Защищается?

– Кровь из носу? А почему она просто не ушла домой? Позвонили бы ее маме, – предложила я.

– Мы... мы... – Варя на секунду растерялась. – Мы звонили, но у нее абонент был недоступен.

– В какую поликлинику вы пошли? – спросил вдруг отец. Перекрестный допрос, самый эффективный метод. В армии и не такому учат. Особенно если ты командуешь целым летным отрядом, ты можешь вывести на чистую воду даже крота-шпиона. Но не на дочери же практиковать утратившие актуальность навыки!

– В какую-какую? – вступилась я. – В нашу, на бульваре, да?

– Ага, – как-то неуверенно согласилась Варя. – На бульваре.

– А разве это не для взрослых поликлиника? – глаза мужа встретились с глазами дочери, и Варя вдруг покраснела. А я-то хороша, зачем ляпнула про бульвар? Совсем забыла, что дочери еще по возрасту не положено ходить в нашу поликлинику. С другой стороны, зачем Варя кивнула, если она ходила не на бульвар, а вообще в другой район.

– Какая разница! – вскричала она с преувеличенным возмущением. – Ты что, мне не веришь? Ты меня проверяешь, что ли? Тебе справку принести?

– Было бы неплохо. Вам оказали помощь? – невозмутимо продолжал отец. Я вдруг поняла, что он пытается поймать Варю на деталях. Гриша уверен, что дочь врет. А я? Что думаю я? Варя никогда не врала мне, не было нужды. Мы всегда находили способ договориться. Она изменилась. Права все-таки русичка. Как это возможно, что она знает мою дочь лучше, чем я? Варя краснела от своего вранья. И это было так странно – наблюдать за тем, как дочь все глубже утопает в собственных сказках, покрывая... что?

– Нет! – рявкнула Варя. – Там была огромная очередь. А у Маши голова болела. Мы поехали домой. Я осталась с ней, понял?

– На чем поехали? – спросил отец, и Варвара распахнула рот. Она понятия не имела, что именно ходит от взрослой поликлиники, поскольку никогда там не была.

– Что ты от меня хочешь? – Варя изменила стратегию, она решила перейти к возмущению и обиде, лишь бы не отвечать на вопросы отца.

– Я хочу, чтобы ты назвала мне маршрут, которым вы добрались от поликлиники до дома. Автобус? Троллейбус? Маршрутка? Какой номер?

– Я не помню! – запаниковала дочь.

– Закрой глаза, вспомни тот день, понедельник. У твоей подруги Маши Гуляевой течет кровь из носа. Вы стоите и ждете транспортное средство. Какое? – голос Григория звучал спокойно и размеренно, но холод в нем пугал. Что он делает?

– Маршрутка, – всхлипнула Варя. – Мне рассказать, какие песни в ней играли? И какой узбек за рулем сидел? Мне нужно делать уроки.

– Рассказать, – согласился Гриша.

– Варя, ты не должна от нас ничего скрывать, мы же твои родители, – попыталась вставить я слово. – Если у тебя какие-то сложности, мы тебе всегда поможем, ты можешь на нас рассчитывать. Но ты должна объяснить, где ты провела весь понедельник. Или мы позвоним Маше и спросим у нее, что за история с носом. Думаешь, она сумеет все подтвердить?

Варя побледнела. Было ясно, что она не успела предупредить подружку из соседнего подъезда, что на нее повесили целую историю. Скорее всего, Маша вообще не в курсе. И провела весь понедельник в школе. А вот где провела его наша дочь, мы не знаем.

– Мы не будем припирять тебя к стенке, Варя, – заявил вдруг Гришка, сменив стальную интонацию в голосе на добродушную, а-ля «рубаха-парень». От неожиданности я даже вздрогнула.

– Не будем? Но мы же должны понять, где она была. И форму она не носит, ходит в джинсах.

– Ну и что? – посмотрел на меня Гриша, словно не понимает, что за проблема и из-за чего я устраиваю такой шум. Опять? Снова все перевернул с ног на голову и сделал из меня «плохого полицейского». Не позволю!

– Действительно! Зачем нам знать правду, пусть Варвара и дальше разбирается со своими проблемами сама. Когда у нее вконец упадет успеваемость, мы все равно узнаем, верно? – язвительно бросила я.

Гриша подошел к нам, присел на корточки перед кроватью и положил обе свои ладони на руки дочери. Та шмыгнула носом и с недоверием посмотрела на отца, лицо которого теперь было на одном уровне с ее.

– Варюшка прогуляла школу. Ну и что? Не проблема, если такое не повторится, правда? – спросил муж, а дочь быстро закивала головой.

– С ней что-то происходит! – попыталась снова вмешаться я.

– Конечно, происходит. Тяжело учиться на одних пятерки. Но, Варюша, понимаешь, есть такое слово – надо.

– Я нормально учусь, – фыркнула Варя.

– Я знаю, – ласково согласился Гриша. – А чтобы тебе еще интереснее было учиться, я хочу предложить тебе сделку. Если ты закончишь этот год, как и всегда, на отлично... Если ты возьмешься за ум... Заметь, детка, я не давлю на тебя. Ты у меня умничка, ты просто должна собраться и вспомнить, что речь идет о твоём будущем.

– И что же будет, если она возьмется за ум? – с интересом спросила я. Гриша посмотрел на меня, а затем выдал:

– Если она сдаст экзамены и не завалит годовые оценки, я лично подарю ей котенка.

– Правда? – подскочила на месте Варвара, и лицо ее загорелось радостью.

– Что? – воскликнула я, также подскакивая на месте. – Я же запретила. Только котенка мне не хватало!

– Она будет за ним ухаживать. Я так решил. Все. Если Варя сдает экзамены – мы дарим ей котенка.

– Я хочу персидскую! – тут добавила Варвара. – Светлую, с темным носиком.

– Какую захочешь, – кивнул Гриша.

– Значит, разговор окончен? – сощурилась я. Муж посмотрел на меня, затем на часы.

– Не начинай, ладно? У меня уже совсем нет времени. Я заберу машину, иначе мне не успеть. Ну что, Варя? Мы договорились?

– Конечно! – кивнула довольная Варвара, и Гриша развернулся в сторону выхода, оставив меня с дочерью наедине. Что я могла сказать на это? Кот? Да еще и после того, как я ясно дала понять, что категорически против? Естественно, Гриша решил подарить Варе котенка. Хотя бы ради того, чтобы в очередной раз смешать мое мнение с грязью и показать, где мое место на самом деле в нашем доме. И чего стоит мое слово. Он подарит дочери кота, а я буду убирать за этим дымчатым чудовищем, кормить его, лечить, если потребуется. Привяжусь к нему, буду расчесывать по вечерам, говорить с котом о том, как я обижена на мужа. Варя забудет о коте уже через месяц, как она забывала о рыбке, которая сдохла у нее из-за того, что той не положили корм. Как она забыла о тамагочи, дурацкой электронной игрушке, которая загнулась у нее через две недели. Я не смогу спокойно перенести гибель настоящего живого кота.

И где, в самом деле, была в прошлый понедельник, наша дочь? С утра и до самого вечера?

Если Гриша решил не лезть в это дело и не разбираться, это не значит, что я не должна. Я могу позвонить Маше Гуляевой и спросить ее обо всем. Поинтересоваться невзначай ее здоровьем. Правда, как только я выйду из комнаты, Варвара предупредит ее по интернету. Подружка обязательно прикроет, в этом не стоило и сомневаться. Все равно можно что-то придумать. Даже не так. Жизненно необходимо что-то придумать, потому что...

Потому что я люблю свою дочь и обязана понять, что с ней происходит. А кота не будет. Уж я найду способ воспротивиться. Выкину «номер».

Я встала с кровати, бросила короткий взгляд на довольную Варвару. Она неуверенно улыбнулась и тоже поднялась, якобы желая немедленно приступить к выполнению домашнего задания. Я подошла ближе к столу и посмотрела на кучу тетрадок.

– Тебе помочь? – спросила я Варю, старательно демонстрируя доброжелательность и всепрощение. Дочь отрицательно покачала головой.

– Я сама справлюсь.

– Хорошо. Ты голодная?

– Да, немножко, – бросила она и отвернулась, чтобы включить компьютер.

– Где ты была в понедельник? – спросила я и поймала прыгающий, как заяц, из стороны в сторону взгляд.

– Мам, но мы же все уже выяснили.

– Я знаю, что ты врешь, – сообщила я спокойным тоном. – Папа тоже знает. Что происходит? Расскажи, я могу помочь. Посоветовать что-то.

– С чего ты решила, что мне нужны твои советы? – заявила Варвара, и в ее нежном голоске появились такие же металлические нотки, как и в голосе мужа.

Моя Варя, моя сероглазка, ребенок, которого я кормила, пеленала и учила читать, – что стало с тобой вдруг, что ты смотришь на меня волком и забыла, что ты плоть и кровь моя, и что я люблю тебя, и что ты можешь сделать мне очень больно?

– С того, что я твоя мать, – пробормотала я. – Я старше и знаю, как легко можно надевать глупостей, о которых потом будешь жалеть.

– Конечно, ты знаешь, – зло воскликнула дочь. – Ведь ты уже их сделала. Поверь, твой пример многому меня научил.

– Что ты имеешь в виду? – опешила я.

– А ты сама не понимаешь? Да я бы умерла лучше, чем прожила жизнь, как ты! – и Варвара отвернулась к компьютеру, оставив меня стоять рядом так, словно меня там и не было. Я чувствовала, как странная пустота заполняет грудь, оставляя меня без сил, но я не могла ни плакать, ни дышать, даже двинуть рукой, уйти, хлопнув дверью. Маленькая дрянь. Но это же не может быть моя Варя. Наконец, я нашла в памяти фразу, способную примирить меня с тем, что я только что услышала.

– У тебя сейчас такой возраст, и я попытаюсь понять тебя, – сказала я очень тихо, ибо голос меня слушался плохо. – Не стану обижаться, потому что...

– Ой, только не надо мне рассказывать про мой возраст. При чем тут это? – перебила меня Варя и с вызовом посмотрела, забросив ногу на ногу. – Если у тебя жизнь не удалась, не нужно срываться на мне!

– Что ты можешь знать о моей жизни? – спросила я наконец после очень долгой паузы. Я прекрасно понимала, что Варя делает все возможное, чтобы уйти от вопроса, и не стоит принимать ее слова близко к сердцу. Но разве можно заставить себя чувствовать иначе?

– А разве тут нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что ты просто плывешь по течению. Ничего не добились, сидишь на одном месте. Если бы не папа...

– Продолжай, – попросила я, стоя, словно окаменевшая Лотова жена. – Значит, я – неудачница, по-твоему. А отец твой – мечта каждой женщины, так?

– Отец хотя бы что-то из себя представляет, – компьютер снова мигнул ярким светом и загрузил окошко интернет-обозревателя. – Ладно, мне нужно делать уроки. Если я хочу стать кем-то в этой жизни, – с выражением добавила она. – А я хочу! Журналисткой, между прочим!

– И я должна уйти и не мешать тебе, верно? – спросила я. Варя повернулась ко мне и удивленно склонила свою красивую молодую головку набок.

– Ужин, мам!

– Ты хоть понимаешь, как чудовищно жестоко то, как ты себя ведешь сейчас? – спросила я ледяным тоном. Я искала хоть что-то в выражении лица моей дочери, хотя бы какой-то проблеск неловкости и раскаяния. Хотя бы попытки исправить положение. Пару слов. Улыбку. Варя смотрела в экран компьютера и шмякала кончиками пальцев по компьютерной клавиатуре, для нее я уже ушла, чтобы чистить картошку, лук, жарить котлеты, разогревать вчерашний фасолевый суп. Еще нужно было постирать и погладить. В том числе Варину школьную форму и Гришину смену формы – чертовы костюмы «людей в черном».

Я тихо вышла из комнаты и аккуратно прикрыла за собой дверь. Прошла на кухню, посмотрела на мясо, размораживающееся в раковине, на гору посуды, скопившуюся после позднего обеда. В квартире стояла неприятная тишина, если не считать легкой музыки, которую Варя включила в своей комнате.

Ей и в самом деле на меня наплевать. Все, что ей нужно, – это ужин. И чтобы ее не трогали. Мой мир пошатнулся и чуть было не опрокинулся набок. Дрожащими руками я достала смартфон и набрала номер Люды.

– Я хочу поехать с тобой в отпуск, – пробормотала я, когда подруга после десятого звонка все же взяла трубку.

– Что у тебя с голосом? – спросила она тут же. – Что-то случилось? Как дела дома?

– Я не знаю, успею ли. У меня нет загранпаспорта, а я даже не представляю, сколько времени нужно, чтоб его сделать. И какие нужны документы, – я говорила, а слезы текли по лицу как бы сами по себе.

– Ирка, ты что, реवेशь? – спросила Людмила недоверчиво. Я никогда не плакала, я само спокойствие, безмятежное озеро Байкал, бездонная синь небес. Терпеливая река.

– И не знаю, сколько денег смогу скопить. Сколько надо будет, если по минимуму? – пробормотала я, игнорируя ее вопрос. Все мои силы сейчас уходили на то, чтобы сконцентрироваться на отпуске, на пляже с картинки, на солнечных лучах, ласкающих мое тело. «Неудачница»!

– Ира, в чем дело? – сурово окрикнула меня Людмила.

– Ни в чем! – попыталась заверить я подругу. – Мне просто нужно уехать. Хотя бы знать, что я могу уехать, понимаешь? Иначе не знаю, что я сделаю. Мне кажется, я сошла с ума, если жила и не замечала ничего...

– Черт-те что, а! – воскликнула она. – Говори, что приключилось.

– Можно, я приеду к тебе? – спросила я вдруг.

– До завтра не терпит? На работе-то все равно увидимся. Хотя давай, приезжай. Только у меня бардак! – предупредила Людмила. В ее словах был резон. Я сидела в Химках, да еще к тому же без машины, которую забрал муж. Людмила жила на «Петровско-Разумовской». Два автобуса, пересадка в метро. Я попаду к ней только к ночи, а затем мы проговорим до утра. И я буду жаловаться на мужа, на дочь, но это ничего не изменит. Только с утра будет тяжелая голова, и весь следующий день буду сама не своя. А Варвара потом настучит отцу, что я бросила ее. Или не настучит? Наоборот, обрадуется, оставшись одна в квартире.

– Ладно, не надо. Не стоит тебя стеснять. Уже поздно.

– Да никаких стеснений.

– Потерплю, – ответила я. – До завтра уж точно. Столько лет... Господи, столько лет!

Людмила замолчала, словно пытаясь вслушаться не в то, что именно я говорю, а в то, каким тоном это сказано. Затем она хитро хмыкнула и сказала мне то, что я в этот момент больше всего хотела услышать.

– У меня есть знакомый, он помогает с паспортами. Сделает все быстро и недорого. Только я не поняла, ты с Гришкой договоришься или нет.

– Да пошли они все! – пробормотала я сквозь слезы.

– И правильно, – одобрила Людмила. Я еще раз бросила взгляд на немытую посуду и мясо, развернулась и ушла к себе в комнату. Закрыла дверь, включила телевизор, установленный почти вплотную к кровати, чтобы Грише было удобно смотреть хоккей и биатлон. Убавила звук и принялась рассказывать Людмиле о своем разговоре с русичкой Мариной Ивановной. Если Варя рассчитывает на вкусный и полезный ужин, поданный ей матерью-неудачницей, то ее ожиданиям не суждено сбыться. Уж точно не сегодня.

Глава 4, в которой мне не хватает только трубки и скрипки

Я сижу в кабинете с большим внутренним окном, закрытым серыми жалюзи. За окном – зал приема клиентов, очередь в кассу скопилась, как в государственном банке. Мне неудобно, но, с другой стороны, мне наплевать на то, что мой начальник, Павел Сергеевич, думает. Ему двадцать восемь лет, он молод и красив, у него все впереди. Он возглавляет наше отделение, и это – только первый шаг. У Павла Сергеевича диплом финансовой академии, зарплата в пять раз больше моей. Его девушка заезжает за ним на красном «Мерседесе», чтобы ехать в клуб. У моего начальника все хорошо.

А мне нужен отгул на вторую половину дня. Не могу больше терпеть. У меня есть план.

– Вы уже брали отгул на этой неделе, – недовольно бормочет Павел Сергеевич. – Вам не кажется, что это перебор?

– Я отработаю, – цежу сквозь зубы я. – Могу выйти дополнительно в выходной.

– Зачем вам отгул? – тянет время он. Начальнику не хочется меня отпускать, люди будут недовольны, начнут жаловаться. Разве могут быть очереди в коммерческом банке, где за все берут вдвое больше!

– По состоянию здоровья, – бросаю ему я, понимая, что такая отмазка – беспроигрышная. Если Павел Сергеевич начнет давить сильнее, я начну кашлять и чихать.

– Надеюсь, ничего серьезного? – нахмурился он. Ага, понял, что я ведь могу, если что, и больничный взять, согласно трудовому законодательству. Тем более что в поликлинике в Реутове у меня работает знакомая. Она мне выпишет больничный, если надо, за пять минут.

– Нет-нет, просто нужно... анализы сдать. Именно сегодня, – пояснила я, надеясь, что этого уж точно хватит, чтобы меня отпустили с моей всецело любимой галеры. Если уж Людмила меня отпустила (и благословила), то Павлу Сергеевичу с нами уж точно не справиться.

Он откинулся в своем большом, удобном кресле и пристально посмотрел на меня, словно пытался прочесть мои мысли. Но где там ему. Детей нет, одни вечеринки на уме. Что он понимает о жизни женщины за тридцать, дочь которой считает ее неудачницей.

– Хорошо. Конечно. Идите, только кассу закройте.

– Обязательно, – кивнула я и еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Нет, оставлю кассу открытой, чтобы кто-нибудь поживился за мой счет, а на меня потом свалил. В самом деле, если ты начальник, просто необходимо сказать какую-нибудь глупость, лишь бы она прозвучала в форме распоряжения или приказа. Я поднялась с моего стульчика и пошла к дверям, расправляя примявшееся платье. И тут... Павел Сергеевич окликнул меня снова, и в голосе его прозвучало искреннее беспокойство.

– Ирина Олеговна, простите за бестактность, но... вы, случайно... ну, как бы... словом...

– Да? Что такое? – склонила голову я. Моя рука уже лежала на ручке двери. Мысленно я уже сидела в машине и рулила на скорости выше разрешенной километров на десять-пятнадцать в час в сторону Варькиной школы.

– Ну... такой вопрос... Только не обижайтесь, я просто должен понимать... Вы... вы... ваше здоровье, – мямлил он.

– Ничего смертельного, все в рамках нормы, – попыталась успокоить его я. Вот же как человек боится остаться без второго кассира в смене.

– Вы не беременны? – наконец, Павел Сергеевич решился задать вопрос, который чрезвычайно его волновал. Я не удержалась и усмехнулась.

– Беременна? Я? – само предположение было абсурдным и смешным. Беременность случается с молодыми и влюбленными женщинами. Когда-то я была такой, и тогда Павлу Сергеевичу было бы чего бояться. Беременная, я рыдала без причины и тут же начинала смеяться, лопала сыр и только сыр – без остановки, и мой муж сбил все ноги, разыскивая для меня маасдам, камамбер и горгонзолу, которые почему-то приводили меня в экстаз. Гришка тогда даже дразнился, называя меня Рокфором по аналогии с помешанным на сыре героем диснеевского мультика, потому что я могла с такими же бешеными глазами вскочить и закричать «СЫ-Ы-ЫР»!

Но это было так давно, что даже хочется сесть и пересмотреть семейные видеозаписи. Маленькая Варя кричит на руках у Гришки, и он злится, что не может ее успокоить. Первые шаги дочери. Варя заболела ветрянкой, и все ее лицо усыпано зелеными точками. Папа дразнит ее драконшей. Вот плачет и кидает в него игрушками.

Забавно, что хоть я и обожала сыр во время беременности, после родов я к нему резко охладела. А Варька – та вообще сыр терпеть не может и «корчит морду», даже если я им присыпаю запеканку «для корочки». Почему так? Хотя... Может быть, именно поэтому и не любим, что тогда мы обе его переели.

– Да или нет? – нахмурился Павел Сергеевич. Я вздрогнула и вернулась к реальности. Надо же, Павел Сергеевич спрашивает меня не в шутку, а всерьез. Моя долгая пауза была истолкована им неверно. А что, мне даже приятно. Значит, я еще произвожу впечатление женщины, которая способна выкинуть и такой «номер».

– Нет, я не беременна, – успокоила его я. В самом деле, не в том я уже возрасте. Мне бы с дочерью разобраться. Да и секса у меня не было уже лет сто. Я задумалась и принялась вспоминать, когда же у меня, в самом деле, был секс. Кажется, шел снег, и было жутко холодно. Скорее всего, в январе. Я спала. Гриша пришел с ночной смены и... Впрочем, может, мне все это приснилось. Вполне могло, ибо все прошло так, что я не особенно и проснулась. Как-то после пятнадцати лет совместной жизни секс уже не кажется чем-то таким особенным. Так, случается иногда. Я посмотрела на Павла Сергеевича и покачала головой.

– Простите, я просто подумал... ладно, идите. – Начальника явно «отпустило», он выдохнул, расслабился и заулыбался. – Жду вас завтра утром. А о дополнительной смене мы с вами потом отдельно договоримся.

– Конечно, – заверила его я, выходя из комнаты. Нет, понять моего босса, конечно, было несложно. Он, кстати, не такой уж плохой руководитель, наш малыш Павел Сергеевич, хоть и из «мажоров», которых мы – простые женщины с долгами и проблемами – недолгоблюдали по естественным природным причинам.

Проблемы беременности – не такие уж абсурдные, если ты возглавляешь отделение банка, в котором кроме тебя из мужчин только пара охранников на дверях и один специалист по кредитам, которого на самом деле ты планируешь увольнять, потому что подозреваешь в мухлеже с анкетами заемщиков. Девушки работают аккуратнее, они не опаздывают и, как правило, не курят. Они исполнительны, вежливы и менее конфликтны. Работать с ними – одно удовольствие, если бы не это страшное слово «декрет». Когда приятная во всех отношениях сотрудница сначала смущенно улыбается, краснеет и принимает поздравления, а затем исчезает на год, продолжая при этом получать зарплату, – это проблема.

За последние полгода сразу три наши сотрудницы ушли в декрет. Словно эпидемия какая-то. Только мы с Людмилой, как нерушимые скалы, восседали в кассах, олицетворяя собой стабильность и отрицательную фертильность.

Бедный Павел Сергеевич, испугала я его.

Ну да ничего, переживет. Я выскочила из офиса и впрыгнула в машину. Марина Ивановна сегодня должна уходить после седьмого урока, в три часа. Можно было, конечно, отло-

жить все на другой день, но после того, как я выслушала монолог дочери относительно моей неспособности на решительные действия, я не была намерена медлить.

И вот я уже сижу около Вариной школы. Я припарковалась напротив одной из двух открытых калиток в этот дикий «пентагон». Моя задача – пробраться в школу так, чтобы Варя меня не заметила. Незачем ей знать о моем визите. Меньше знаешь – труднее замести следы. Я нацепила на голову Гришкину «рыболовную» бейсболку, солнцезащитные очки, старый пуховик, который не надевала уже лет сто. Не то чтобы Варя не узнала бы меня в таком наряде, просто... издалека она может и проглядеть. С ее вниманием к смартфону в руке, в который она тоже таращится чуть ли не двадцать четыре часа в сутки, шансы определенно высоки.

Я обошла хоккейную «коробку», оценивая обстановку «по ходу пьесы». Короткий взгляд на стайку малолеток, уныло ковыляющих вокруг «пентагона» на лыжах. Они не представляют опасности. Около входа в здание никого нет, но подход к школе «простреливается» из всех окон. Я натянула бейсболку пониже и пристроилась к мамашке, выгуливающей ребенка в коляске на территории школы. Вместе с нею я дошла почти до самого крыльца, когда на ступеньки вышли незнакомые мне подростки и принялись гоготать, обсуждая что-то непереводимое. В своем разговоре они использовали множество нецензурных слов, а в нынешней обстановке школа могла быть оштрафована за одну сотую того, что они говорили в ее стенах.

Я проскользнула внутрь школы мимо беснующихся в раздевалке детей – к охраннику.

– Марина Ивановна меня ждет.

– Это какой класс?

– Девятый.

– Проходите, – лениво кивнул он, и я осторожно осмотрелась вокруг, чувствуя себя Шерлоком Холмсом. Или, по крайней мере, доктором Ватсоном на задании. Прямо как спецназовец на вражеской территории, которого забросили туда для выполнения секретной операции «Буря... в стакане». Так и тянуло повернуть голову вбок и сказать в несуществующую рацию, что горизонт чист, а «объект» на месте.

Марина Ивановна сидела в опустевшем классе и просматривала журнал. Пара незнакомых мне девочек переворачивали стулья и расставляли их на партах. Затем они принялись подметать. Я покосилась на них, но Марина Ивановна только махнула рукой и посмотрела на девочек так, словно они были бессловесные маленькие рабы, о которых и говорить-то не стоило. Девочки, впрочем, тоже смотрели как бы сквозь нас и тихо переговаривались о чем-то своем. Им до нас не было дела.

– Варя не может зайти? Может быть, закрыть дверь? – прошептала я, заигравшись в сыщика. Русичка осмотрела меня удивленным взглядом, а затем кивнула и закрыла дверь в класс на щеколду.

– У нее сейчас биология, – учительница посмотрела на часы. – Уже скоро закончится. Последний урок. Так что она, скорее всего, пойдет домой. У них, кстати, сегодня была контрольная по математике. У Вари – четверка.

– Четверка? – вытаращилась я.

– Да, она не решила одну из задач, – горько кивнула русичка. – Может быть, это случайность...

– Не думаю, – покачала головой я. – Вы принесли их классный журнал?

– Да, принесла.

– Мне нужно посмотреть, была ли в прошлый понедельник в школе...

– Варя? Я же вам сказала, что ее не было целый день, – воскликнула Марина Ивановна, но я быстро остановила ее:

– Маша Гуляева.

– Маша? – удивилась учительница. – Почему?

– Давайте посмотрим, а затем, в зависимости от результатов... в смысле, от результатов... – я запуталась, но Марина Ивановна потрянула головой, достала из-под стопки тетрадей толстый журнал с картонной обложкой и раскрыла его на нужной странице.

– Какой урок смотреть? – уточнила она.

– Все, – бросила я, оглянувшись на «рабов». Надеюсь, они не знакомы с Варей. Мне повсюду мерещились шпионы моей хитрой доченьки. Русичка провела пальцем по длинному ряду точек, задержалась на букве «Н», выставленной напротив имени Варвары Сафьяновой, затем скользнула обратно вверх и нашла фамилию Гуляевой.

– На русском она была. Это первый урок.

– Точно? Ошибки быть не может? – подскочила я.

– Не знаю. Но вот следующий урок, физика. И там Маша была. И на ОБЖ, – Марина Ивановна листала журнал, но картина была совершенно ясная. История про носовое кровотечение и благородное спасение подружки была сплошная фальсификация, и я знала это еще до прихода сюда. Но одно дело – подозревать, и совсем другое – знать наверняка. Ложь, на которой так легко поймать, – неудачная ложь. О чем это нам говорит? О том, что Варвара оказалась морально не готова к допросу, который я ей учинила. Она не позаботилась об алиби.

Вот, в моих мыслях прозвучало слово «алиби»! Теперь это официально расследование. Забавно! Итак, Шерлок, что мы имеем?

– Главный вопрос – где она была в прошлый понедельник? – сказала я, подняв вверх указательный палец. – Если мы узнаем ответ на этот вопрос, мы узнаем, что не так с Варварой.

– Идея хорошая, вот только как мы можем это узнать? – усомнилась Марина Ивановна. – Спросить еще раз?

– Нет, спрашивать бесполезно. Тем более что у Варвары было время подумать, и теперь у нее наготове есть какое-нибудь более надежное и менее проверяемое алиби. Нужны независимые источники, неопровержимые доказательства. Важно было вовсе не то, что она пропустила уроки по какой-то причине. Мало ли что бывает! А то, что она не хочет сказать, что это за причина.

– Не хочет? Или не может? – спросила Марина Ивановна и сощурилась в раздумьях.

– Что мы имеем? Чтобы не раскрыть причину ее отсутствия, Варя придумывает отмазки, оскорбляет мать, только чтобы уйти от вопроса.

– Оскорбляет мать? – бровь учительницы приподнялась. Любопытство кошку сгубило, но я все же поделилась с нею тем, как моя дочь назвала меня нерешительной неудачницей. В ответ на мою откровенность учительница рассказала, что дети сейчас вообще пошли грубые и бесчувственные, не способные на нормальные человеческие проявления. Мы потратили еще некоторое время на обсуждение того, как пали нравы и куда катятся наши дети, и уже совсем втянулись в этот, без сомнения, приятный процесс, как вдруг нас оборвал школьный звонок.

Я заткнула уши, так как вынести этот ужасный звук целых три минуты было нереально. Звонок с урока был больше похож на сигнал воздушной тревоги, чем на школьный звонок. Когда он затих, у меня еще некоторое время продолжало звенеть в ушах.

Марина Ивановна сидела как ни в чем не бывало и просматривала тетради. Она посмотрела на меня с насмешкой превосходства.

– И вы слышите такое после каждого урока?

– И перед ним тоже, – рассмеялась Марина Ивановна.

– Но что это было? Это же какое-то оружие массового поражения. Этим нужно бактерии уничтожать в инфекционных отделениях. Ни одному микробу не уйти!

– А вот наши детки на переменках не слышат звонков, если только они не обладают силой взрывной волны, – пояснила Марина Ивановна. – Смотрите, Ирина Олеговна, а вот снова вашей Вари не было в школе. Она пропустила последние два урока.

– А Маша? – зачем-то спросила я. Та покачала головой.

– А Маша была на уроках. Вы поймите, историю про Машу она сочинила на ходу. Это было первое, что пришло ей в голову. Взяла подружку, с которой живет в одном доме, и приплела бог весть что. Это никак не помогает нам. Даже если мы спросим Машу...

– Согласна, – кивнула я. – Думаю, что нужно искать в других направлениях.

– Правильно. Но какие у нас версии? – Марина Ивановна достала из принтера чистый лист бумаги и аккуратно написала в центре ближе кверху слово «версии» красивым, прекрасно поставленным почерком. Ну да, сразу ясно, что русичка.

– Версии... – тянула я. – У нее проблемы? Она кому-то денег должна?

– Это вы сериалов криминальных насмотрелись, что ли? – усмехнулась учительница. Чтобы задолжать кому-то денег, нужно их сначала занять.

– О, а может, Варя на какую-нибудь подработку устроилась? Чтобы достать денег? Может, она на что-то копит?

– Версия хорошая, но вы бы знали, – заметила Марина Ивановна. – Она просила у вас что-то, в чем вы ей отказали? Велосипед, скутер, поездку в лагерь летом? Может, платье?

– Нет, она ничего такого не просила. А про лето – она всегда ездит по путевке от Министерства обороны, нам знакомые достают. Ей там очень нравится.

– Н-да, – задумчиво протянула моя «Ватсонша», накручивая выбившийся волос на палец. – Но версия про деньги в целом рабочая. Телефон у нее новый?

– Телефон она бы у нас попросила. На день рождения, но она попросила котенка. Даже не знаю. Что еще? Может быть, она занимается с кем-нибудь дополнительно?

– Опять же, за деньги, – пожала плечами Марина Ивановна. Время шло, но ничего более интересного, чем потенциальные попытки моей дочери подработать, нам в головы так и не пришло. Наверное, Шерлок Холмс все-таки курил что-то специфическое. Благотворное для серого вещества. Серые клеточки... м-м-м... откуда это? Ах да, Пуаро.

Мы обсудили еще несколько версий.

– Что, если Варвара встретила свою сводную сестру, которая родилась от случайной связи Гриши с кем-то еще до того, как он встретил меня? А что? Не только же в сериалах такому происходить? Мы познакомились, когда Гришке было уже двадцать восемь, мог же кто-то залететь? Но думаю, знала бы.

– А если у Варвары нашелся настоящий отец и теперь он тайно с ней встречается? – предположила училка, но тут я усталилась на нее с осуждением. Это как же он мог у Варвары образоваться безо всякого моего участия? Вариант подмены в детдоме мы тоже отмели, уж слишком Гришины у Вари были глаза. В общем, версии оказались более чем несостоятельными, и Марина Ивановна, отведя глаза в сторону и покраснев от неудобства, предложила мне (чисто для дальнейшего расследования) обыскать комнату дочери и почитать ее почту. Электронную, конечно. Реальные, бумажные письма в конвертах дочь не смогла бы не то что прочитать – даже открыть. Она бы не поняла, куда тут нужно «кликать мышкой».

– Обыск – это подлость, – сказала я, а сама начала продумывать, как бы эту подлость организовать, да поскорее. Действительно, обыск всегда чего-нибудь да показывает. Шерлок Холмс всегда осматривал места преступлений. Я собралась, поблагодарила Марину Ивановну за сотрудничество, и мы пообещали держать друг друга в курсе происходящего и обновлять информацию в случае каких-либо изменений.

Только ради того, чтобы защитить будущее такой талантливой и хорошей девочки. Не ради сплетен, ни-ни.

Я вышла из класса, снова натянув на нос бейсболку мужа. В пуховике было жарко, поэтому я держала его в руках. Стоять в помещении в солнцезащитных очках было глупо, так что я не стала их надевать, а положила в сумку. Если бы Варя сейчас прошла мимо меня, то легко бы меня вычислила. Но мне повезло.

Я стала двигаться к выходу. Какие-то детки с продленки соревновались в том, кто дальше прокатится по лаковому полу на коленках. Видимо, это была популярная и распространенная игра в школе. Несколько раз усталые учителя прошмыгнули мимо меня и скрылись за дверями своих кабинетов. Очередной день катился к завершению, и самое страшное было уже позади. Звонок снова раздался, испугав меня и заставив подпрыгнуть. Не понимаю, как можно выносить такое каждые сорок пять минут. Я бросилась к ближайшему выходу, как животное, стремящееся убежать из горящего леса. Вылетела на крыльцо и с наслаждением вслушалась в тишину. Холод покалывал, и я поспешно натянула пуховик. А затем присела и попыталась раствориться в воздухе.

Моя Варя сидела на лавочке, на площадке с турниками и брусьями, рядом с хоккейной «коробкой». Я резко отвернулась и свернула за угол школы, благо чего-чего, а углов у здания хватало. Прислонилась спиной к стене и только после этого выдохнула и осторожно развернулась.

Видела или нет? Заметила ли, узнала?

Я ожидала, что Варя сейчас материализуется передо мной во всем своем недовольстве, и придется объясняться, отчего я тут стою, да еще в таком виде. И что я делаю снова в ее школе. Но она не появилась. Я подождала еще минутку, успокаивая дыхание, а затем выглянула из-за угла со всей возможной осторожностью.

Я зря волновалась. Она бы не заметила, даже если бы я подсела к ней на лавочку. Варя была слишком занята.

Рядом с ней, на лавочке, сидел уже знакомый мне рыжий черт, которого я видела, когда заходила в школу. Нет, не так. Он не просто сидел рядом. Они сидели вместе, прижавшись друг к другу и разделив «по-братски» одни наушники на двоих. Варя сидела без шапки, куртка расстегнута. Ее портфель валялся рядом с черной сумкой рыжего мальчишки. Как жаль, что я не могла слышать, о чем они говорят. Расстояние не позволяло, зато видела, как он говорил что-то, приближая свой наглый курящий рот к лицу моей дочери, а она заливисто смеялась, откидывая голову назад, и придерживала наушник свободной рукой.

Ох, ну и тупые же мы с Мариной Ивановной. А еще возомнили о себе черт-те что, Шерлоки недоделанные. Все версии перебрали, а самую очевидную забыли – ту, которая только и должна возникнуть при мыслях о подростке, который вдруг резко меняется, бросает учиться и огрызается, когда спрашиваешь, в чем дело.

Версия проще некуда – девочка влюбилась. О боже!

Я зажала раскрывшийся рот ладонью, чтобы не выдать себя, не дать крику вырваться на свободу. Варя влюбилась. И в кого! В этого ужасного рыжего черта, чудовищного, курящего прямо у школы. Что она в нем нашла? Он же даже не красивый?! Весь в веснушках, какой-то нелепый. Маленького роста. Наверняка хулиган.

Тут меня осенило. Барышня и хулиган! Конечно, в кого же еще влюбляться, когда тебе пятнадцать лет. Кто еще покажется тебе таким взрослым, таким смелым, способным на поступок, непримиримым и не уважающим взрослые авторитеты, как этот наверняка не слишком умный мальчик, тыкающий в свой смартфон.

Кто бы он ни был, нужно было срочно узнать, все о нем. Черт рыжий!

Глава 5, в которой я исполняю родительский долг

Любовь. Первая, юная, заполняющая тебя целиком. Та, из-за которой совершаются самые немыслимые глупости, иррациональная, обреченная. Самая запоминающаяся, оставляющая след на всю жизнь.

Именно эта любовь угрожает светлому будущему моей дочери в целом и ее золотой медали в частности.

Господи, ну за что! Рыжий черт, откуда ты только взялся на мою голову?! По стеночке «пентагона» я выбираюсь из школьной западни. У меня преимущество перед дочерью, она меня не видела, а вот я ее хорошо рассмотрела. И хотя первый мой порыв был – выскочить и наброситься на них, накричать, стукнуть рыжего парня его же черным портфелем по голове, стереть его широкую улыбку с веснушчатого лица – я этот порыв мужественно поборола.

Потому что, вопреки мнению моей дочери, я умная женщина.

Всему свое время, и хорошо смеется тот, кто смеется последним. Но мне сейчас было не до смеху. Я добралась до машины, не оборачиваясь и молясь, чтобы дочь не отвратила взора от предмета своей страсти в сторону калитки. Я села в машину и уехала домой, пытаюсь прикинуть, сколько именно времени у меня есть. Не думаю, что много. Дочь знает, что мы с Гришей недовольны, что подозреваем ее. Дело в том, что, по правде говоря, Гришка не подозревает ничего того, что знаю я. Еще не решила, что именно расскажу ему, а что нет.

А все потому, что нет у меня в нем уверенности. В прошлый раз, когда я пыталась действовать единым родительским фронтом, он взял и пообещал котенка. Что помешает ему теперь, если он узнает всю правду про рыжего черта, не пойти и не купить этого котенка на самом деле. Потому что мой Гриша, как настоящий мужчина, уверен, что может легко и быстро решить любую проблему «по-боевому». А то, что такие проблемы, как «Первая Любовь», котенком не решаются, он не понимает.

Таким образом, если я расскажу мужу все прямо сейчас, у меня есть большие шансы обрести две проблемы вместо одной, и буду разбираться с влюбленным подростком, убирая за котенком.

Нет уж, спасибо.

Я влетела домой и закрыла за собой дверь на задвижку, которая не открывалась ключом. Подозрительно? Да, но еще хуже, если Варя придет и застанет меня в своей комнате. У меня было около часа, а затем я поеду встречать мужа на Речной вокзал так, словно я и не отпрашивалась с работы. Вечером, когда все улягутся спать, смогу подумать о сложившейся ситуации. Я зашла в комнату Вари и остановилась посередине, прикидывая, с чего начать. Я еще никогда не обыскивала комнату дочери.

Чувствовала себя, как вор, пробравшийся в чужой, посторонний мир. Что я хочу найти? Каков мой план? И что сделаю дальше? Все, чего я хотела, – это понять девушку, которую вырастила, но плохо знала. Мне необходимо понять, что из себя представляет моя дочь теперь, чем живет и что делается в ее юной голове. Первое, что бросилось мне в глаза, – компьютер. Ну конечно же! Я подошла к столу и включила экран. Он загорелся ярким светом. Не отключила Варя компьютер, только монитор погасила. Я выдвинула клавиатуру из-под столешницы и нажала на пробел. Компьютер ожил и выдал мне окошко для введения пароля.

Черт!

Умница-дочка, поставила на компьютер пароль. Эту проблему так сразу не решить. Однако даже и без доступа в компьютер я получила маленький, но драгоценный кусочек

информации. Еще неделю назад на компьютере не было пароля. Варя защищается, а это значит, что ей есть что скрывать. Она думает, что спасает свою самую большую любовь. Рыжую и смешливую.

Моя первая любовь – мальчик по имени Егор – учился со мной в одном классе. Он сидел через три парты от меня, и я тратила все время, любясь его затылком, а иногда даже профилем, если Егор поворачивал голову в сторону. Сколько мне было тогда? Пятнадцать?

Ох ты, как все повторяется. Только я не сидела на лавочке чуть ли не в обнимку, и мой Егор не курил у школы. Я так и не рассказала ему о моих чувствах, только однажды, на двадцать третье февраля, сделала сердечко из картона, клея ПВА и красной акварельной краски и подсунула ему на стол. На оборотной стороне этого доморощенного сердца написала о том, какой он хороший и красивый и как он мне нравится. Думаю, Егор понял, что это от меня, потому что после этого подарка он стал чаще поворачивать голову, а иногда даже ловил мой взгляд и улыбался.

Когда его глаза встречались с моими – это было самое счастливое мгновение.

Я до сих пор помню, как мое сердце принималось стучать словно сумасшедшее от одного его взгляда. Было трудно дышать и совершенно невозможно следить за тем, что происходит на уроке.

А потом семья Егора переехала в Белоруссию, а я осталась с незаживающей раной в сердце, печальная, как Джульетта, к которой так и не пришел Ромео. Я думала, что никогда больше не буду счастлива и ни один человек в мире не сможет помочь мне с моим безграничным горем. Но через неделю подружка позвала меня в кино с мальчишками с нашего двора. В общем, с горем я справилась.

И Варя справится. Я выключила экран компьютера и подумала о том, что, как минимум, один выход из положения у нас точно есть. Перейти в другую школу. Такие чувства да еще в таком возрасте требуют постоянной подпитки, а без нее они очень быстро погаснут. И Варя быстро забудет веснушчатый профиль и рыжие волосы...

Я выдвинула полку письменного стола и провела рукой по ручкам, карандашам, ластикам и прочей мелочовке. Что я ищу? Дневник? Доказательство своей правоты? Четверка по контрольной – лучшее тому подтверждение. Мы никогда особенно не заставляли Варю учиться, она всегда сама тянулась к знаниям, что большая редкость. Нет, Гриша, конечно, пилил дочери мозг из-за четверок, заставляя ее бояться их получать хотя бы потому, что потом придется слушать его лекции. Он читал монологи на тему «только на отлично стоит жить в этом мире» и предлагал решать все «по-боевому». Но ведь если бы Варя категорически не хотела или не могла – она бы все равно не выдержала этого пресса. Она прекрасно училась, легко сносила все «мероприятия отца» – до некоторых пор.

Закрыв письменный стол, я подошла к гардеробу. Вещи на вешалках висели – еще куда ни шло, но на полках все было свалено не пойми как, что-то свернуто, что-то сложено, а что-то Варя просто запихнула в шкаф комком. Что ж, мне же лучше, удобнее осматривать, труднее заметить, что тут кто-то был. Я аккуратно подлезла под ее вещи и на ощупь проверила, нет ли на полке твердых предметов. Ничего. На других полках тоже никаких особенных вещей не обнаружилось. Среди свитеров почему-то лежали Варины туфли на шпильке. Думаю, я знаю, как они туда попали. Она любит включать музыку и кружиться в темной комнате перед большим зеркалом, встроенным в дверцу шкафа.

Я тоже любила так делать.

В полумраке, кружась под музыку, можно увидеть себя совсем другими глазами. Это похоже на гадание, на таинство. Глядя на свое отражение в зеркале в разных платьях, меняя туфли, платки, позы, глядя на саму себя, можно представлять всю свою дальнейшую жизнь – ослепительную, интересную, полную великих людей и грандиозных событий. И, конечно, счастья. Совсем не такую, какой она окажется на самом деле.

А затем ты устаеть или кончается музыка, кто-то звонит или зовет тебя ужинать, и ты сбрасываешь свои самые «чумовые» туфли и засовываешь их на полку со свитерами, чтобы потом там и забыть, пока они как-нибудь и когда-нибудь случайно не найдутся. Я улыбнулась и оставила все на месте. Я здесь не для того, чтобы пилить дочь из-за беспорядка в шкафу. Закрыв дверцу, постояла с минуту, глядя на себя в ее зеркале. Черные брюки, сливового цвета водолазка. Стройная, хотя в юности я, как и все, считала себя уродиной и толстой. В юности мы оцениваем себя по самым жестким стандартам, и в тридцать четыре года я нравилась себе куда больше, чем в пятнадцать. Затем перевела взгляд на свалку из одежды и книжек на стуле рядом с Вариной кроватью. Я подошла и присела на корточки. Кажется, на стуле было собрано все, что Варя носила вне школы за последние две недели, и все, что она читала в последние два месяца. «Путешествие из Петербурга в Москву» – это по программе. «Отверженные» и «Сумерки» – это для души. Интересно, с кем Варя ассоциирует себя, с Козеттой или с Беллой? Ответ на этот вопрос очевиден.

Никогда не понимала, что может быть хорошего в вампирах.

Моя рука автоматически подхватила блузку, затем другую, чтобы повесить их в шкаф, но я одернула себя. Варя не должна знать, что я тут была. Она думает, я на работе, и, если все пойдет хорошо, это так и останется. Я положила блузки обратно, но тут со стула свалились Варины джинсы. Те самые, драные, как назвала их Марина Ивановна. Я потянулась, чтобы поднять джинсы с пола, как вдруг заметила краешек чего-то в заднем кармане. Красный краешек коробочки. Картонная... Ах ты, блин!

Я отскочила, как от ядовитой змеи.

Из кармана джинсов моей дочери-отличницы выпала пачка «Мальборо», сигарет, которыми наверняка снабдил ее этот рыжий дьявол. Вот ведь! Неужели Варя еще и курит? Как мы могли не замечать? Я подняла джинсы с пола и проверила остальные карманы. Больше ничего не было. Дрожащими руками взяла коробку с сигаретами – и кто только их продает подросткам – и открыла. Пачка была распечатана, в ней не хватало нескольких сигарет. Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. Об этом придется рассказывать Гришке. Как это все грустно. И ведь я никогда, никогда не чувствовала от Вари запаха сигаретного дыма. Что она делает, чтобы избавиться от него? Дезодоранты? Мятные конфеты? Моя главная надежда была на то, что Варя еще не втянулась, что она только попробовала, может быть, ей даже не понравилось. И поэтому она забыла пачку сигарет в кармане джинсов, потому что они ее не волнуют.

Я запихнула пачку обратно в карман джинсов и положила их обратно на стул. Вдруг мне вспомнилось, как два дня назад мы с Людмилой обсуждали планы на летний отпуск. Господи, теперь мне хочется улететь на пляж и забыться еще сильнее. Наш дом штормит, и неизвестно, как я переживу предстоящую бурю. Особенно учитывая, что я же ее и создам.

Я решительно направилась к выходу. Уже в дверях вдруг заметила фотографию на стене. Я подошла ближе и склонилась, чтобы разглядеть получше лица детей, окруживших Марину Ивановну. Она стояла с серьезным лицом, которое выглядело нелепо. Седьмой класс, съемка в конце второй четверти перед Новым годом. Я внимательно прошерстила всех, кого знала. Маша Гуляева стояла в смешном сарафане, не в форме, и с двумя белыми бантами. Видимо, ее маме сказали, что нужно дочку приодеть для съемки, вот она и постаралась. Гуляевы располагали средствами, и Маша всегда выглядела очень хорошо.

Впрочем, Варька тоже хороша. Волосы зачесаны назад, собраны в хвост, а потом заплетены в косу. У моей Вари просто шикарные темные волосы, блестящие и густые. Это она взяла от меня. Варины серые красивые глаза сияют. Детские глаза всегда смотрятся больше, чем они есть на самом деле, из-за того, что размер головы еще детский, а разрез глаз уже почти взрослый. Очень симпатичная у нас дочь. Тем более страшно, что она вырастет с такой скоростью.

Сигареты...

Вот он! Я вздрогнула и приблизилась к фотографии класса так близко, что почти коснулась ее носом. Рыжий черт стоял в последнем ряду, сбоку. Черные брюки, дурацкая синяя вязаная жилетка. Никто не пытался приодеть *его* для съемок. Ну конечно! Двоечник, хулиган. Не удивлюсь, если и семья у него соответствующая. Я прочитала подпись и невольно хмыкнула.

«Дима Грачев».

Знакомая фамилия, знакомое имя. И тут все пазлы сошлись воедино, и я поняла, как так получилось, что моя дочь влюбилась в этого рыжего Ромео. Она же «подтягивала» его, занималась с ним дополнительно по просьбе учительницы. Я почувствовала, как сжимаются мои кулаки. «Марина Ивановна, так это вы мне организовали все эти проблемы. Вы персонально отвечаете за появление пачки «Мальборо» в кармане моей дочери».

Конечно, она влюбилась. Он шутил, они сидели рядом. Варя учила его чему-то, а он улыбался и делал ей комплименты. Они проводили много времени вместе, а в пятнадцать лет этого порой достаточно для того, чтобы вспыхнуло «Большое и Светлое Чувство». А если девочка к тому же может еще и спасти мальчика – это вообще беспроектная комбинация.

Итак, все встало на свои места. Она занималась с ним, помогала ему, чувствовала себя умной, полезной, ценной... и влюбилась в него. Она показала ему, как решать примеры, он показал ей, как курить сигареты. Ситуация нешуточная, и надо что-то делать. Я вышла из Вариной комнаты и плотно закрыла дверь. Через несколько минут я уже ехала встречать мужа с работы. Интересно, какую часть Москвы он показывал сегодня сонным замерзшим туристам? А впрочем, нет – неинтересно. И без этого мне было о чем подумать. Теперь я знала достаточно, чтобы припереть дочь к стенке. И знала, что делать это надо вместе с Гришкой – мне необходимо сильное мужское плечо. Как раз тот случай, когда вопрос нужно решить «по-боевому». Перевод в другую школу, учитывая то, что Варя будет сопротивляться с бешеной яростью оскорбленной Джульетты, – такое под силу только Гришке. Моей настоящей «Первой Любви».

* * *

Возвращение блудной дочери – так бы я назвала тот памятный вечер. Хотя, по сути, она нигде не блуждала и ниоткуда не опоздала. Варя вошла в квартиру, как ни в чем не бывало скинула куртку, бросила свои полусапожки за девять тысяч на пол в разные концы коридора. Доченька моя.

Мы ждали дочь, сидя в ее комнате на двух стульях с кухни. У нас был план. Варя вошла в комнату и замерла, заметив нас. Затем она заметила пачку сигарет, одиноко лежащую на белой табуретке.

Мы окопались.

Варя побледнела и сделала шаг назад. Я грешным делом подумала, что сейчас она попытается сбежать. А что, развернется и вылетит в коридор, маленькая вуня. Только далеко она без сапог в феврале не убежит. Впрочем, мои фантазии так и не подтвердились. Варя сначала побледнела, а затем выпрямилась, расправила плечи и с вызовом посмотрела на нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.